

Дарья Донцова

Хеппи-энд для дезавомоны

В мире преступных страстей
Виола Тараканова

Загадки года
от Дарьи
Донцовой

**НУЖНО
РАЗГАДАТЬ
САМОМУ!**

Дарья Донцова
Хеппи-энд для Дездемоны
Серия «Виола Тараканова. В мире
преступных страстей», книга 19

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159480

Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-24230-6

Аннотация

Ну конечно, как же я, Виола Тараканова, могу отказать кому-то в просьбе! В мои планы совсем не входило менять профессию – мне и моей писательской работы хватает! – а все же согласилась подменить подругу. И оказалась вместо Ники Терешкиной... классной дамой в частной гимназии. Да только потрудиться на педагогической ниве практически не удалось, пришлось заняться любимым делом – расследованием преступления. А как же иначе, если убита подруга, та самая Ника?! Да еще так страшно! Ничего себе выступил ее муженек... Хотя, может, и не она погибла, а проститутка Настя. Но тогда где же Терешкина? И причем здесь продажный секс? Ой, что-то у меня концы с концами не сходятся...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	31
Глава 4	44
Глава 5	56
Глава 6	67
Глава 7	82
Глава 8	94
Глава 9	109
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Дарья Донцова

Хеппи-энд для Дездемоны

Глава 1

Никогда не следует доверять женщине, которая честно называет свой возраст. Такая особа способна на все!

Седьмого мая мне позвонила Ника Терешкина и затараторила в трубку:

– Вилка, я хочу тебе помочь!

– Да ну? – удивилась я. – У меня что, появились проблемы, о которых я еще не успела узнать?

– Не трать деньги мне на подарок, – захихикав, пояснила Терешкина. – А то ерунда получается – после каждого дня рождения я не знаю, куда девать идиотские сувениры.

Тут только до меня дошло, что у Ники скоро юбилей и она собирается позвать меня в гости.

– Девятнадцатого мне стукнет сорок, – с обезоруживающей прямоотой заявила Терешкина. – Прикинь, скоро на пенсию!

– Выглядишь ты минимум на десять лет моложе, – бодро соврала я. – Если напишешь в приглашении «Жду на тридцатилетие», никто не усомнится в дате.

– Я всегда честно называю свой возраст, – возразила Те-

решкина. – По-моему, лгать в этом случае глупо.

– Ну-ну... – протянула я и решила сменить тему. – Ты права, лучше заранее поинтересоваться у юбилярши, чего ей не хватает – я имею в виду, из материального, – и купить необходимое, чем притаскивать всякую лабуду.

– Вот в Англии здорово придумали, – вздохнула Ника. – Идешь в крупный магазин и оставляешь там список подарков, а гостям сообщаем: пожелания лежат, ну, допустим, в «Хэрродз». Народ бежит по указанному адресу, читает «каталог» и видит: ага, юбиляр мечтает о тостере, постельном белье, кровати, парфюмерии, пледе, фене... ну и так далее. Потом гость просто оплачивает, что ему по карману, и дело сделано. Продавцы сами запакуют и отправят подарок с твоей визитной карточкой. Супер?

– Здорово, – согласилась я. – Но раз у нас пока ничего подобного нет, придется действовать по старинке. Говори, что ты хочешь, а я куплю и принесу.

– Это сложно приобрести, – весело пропела Ника.

– Так дорого? – испугалась я.

Конечно, мы с Никой знакомы не первый год, я очень хорошо к ней отношусь, но вдруг в буйной голове Терешкиной возникло желание получить в подарок корону английской королевы? Ежу понятно, что такое, проси не проси, никто ей не подарит. Есть на свете вещи, которые никогда не станут твоими, и с этой мыслью лучше спокойно смириться.

– Ты не потратишь и копейки, – захохотала Ника.

– Объясни подробнее, – еще больше насторожилась я.

– Ты ведь знаешь, где я работаю, – сказала Терешкина. –

По деньгам, правда, выходит неплохо, но вставать приходится в шесть тридцать утра, иначе я не успею к началу рабочего дня.

– Жуть! – совершенно искренне воскликнула я.

– Зато домой возвращаюсь около четырех. Не каждый день, но в понедельник и четверг стабильно.

– Вот здорово!

– Конечно, – согласилась Ника. – Хотя признаюсь: работать классной дамой жуткая скука! Ладно, слушай, сейчас я объясню и про подарок, и про все остальное, только не перебивай, – щебетала Ника.

Я легла на диван и приготовилась к долгой беседе. Терешкина не остановится, пока не выплеснет бочку накопленной информации.

Ника по профессии психолог, за спиной у нее институт, есть соответствующий диплом. Но если вы думаете, что Терешкина сидит в кабинете, заставленном шкафами с книгами Фрейда, Юнга, Леонтьева и иже с ними, выслушивает откровения пациентов, лежащих на кушетках, то вы ошибаетесь. Долгое время Ника маялась в каком-то отделе кадров, работала младшим менеджером по персоналу, ничего интересного в ее службе не было, сплошная скука.

Года два назад Ника сменила поле деятельности – перешла на работу в частную гимназию, стала классной дамой.

Последняя, по определению, не преподает, а в основном следит за порядком. Оклад стал выше, забот меньше, но Терешкина совершенно сникла, жизнь стала казаться ей болотом, а сама себе она напоминала черепаху Тортилу. Еще немного, и Ника запоет: «Затянуло серой тиной гладь осеннего пруда, ах, была, как Буратино, я когда-то молода. Был беспечным и наивным черепахи юный взгляд, ах, и я была такую триста лет тому назад». Впрочем, за точность цитаты не ручаюсь, а вот настроение подруги я передала верно.

Ника живет очень размеренно: дом – гимназия – дом. Она давным-давно замужем, имеет дочь, никогда не ходит от супруга налево, не увлекается шмотками, в парикмахерскую заглядывает два раза в год: в апреле, когда надо снимать с головы шапку, и в октябре, когда пора ее натягивать. Вася, муж Ники, простите за идиотский каламбур, совершенный Вася. В молодости он лихо играл на гитаре и заглядывался на девушек. Ника дико ревновала супруга и устраивала ему показательные скандалы. Один раз ее даже забрали в милицию за дебош, учиненный в кинотеатре. Да-да, был у Терешкиной привод, и я долгое время дразнила ее уголовницей.

Но теперь все эскапады остались в глубоком прошлом. Вася потерял кудри и перестал пялиться на чужие голые коленки, а за гитару он не берется уже лет десять. Лучшее времяпрепровождение для него – тихий сон у включенного телевизора, отдых после совсем не напряженного рабочего дня. Одним словом, у Васи больше не горит глаз и пыль не летит из-

под копыт. Сколько в России таких супружеских пар, поженившихся по любви, а через двадцать лет брака превратившихся в мрачно бредущих рядом слонов? Не счесть! Правда, Терешкина не считала себя ни несчастной, ни пожилой, пока случайно не столкнулась в супермаркете со своей подругой Майей Филипенко.

Майка вырядилась в короткое, выше колен, ярко-красное пальтишко из лаковой кожи и белые сапоги-ботфорты. В руках она держала модную сумочку, голова ее была будто бы растрепана ветром, но на самом деле над белокурыми кудрями поработала опытная рука мастера. И морщин у Майки на лице не было совсем. Они испарились как по волшебству, хотя в роли кудесника явно выступил доктор с уколами ботокса.

Подруга приперла Нику тележкой и заорала:

– Тереша! Привет! Что с тобой случилось? Ты заболела? Мы не виделись полгода, а узнать тебя нельзя!

– Нет, – ответила Ника, – я совершенно здорова.

– Фу, – выдохнула Майка, – а я уж испугалась! Морда желтая, глаза – щелочки, сама толстая... Чего ты так разожралась?

Филипенко никогда не отличалась деликатностью. Она, не задумываясь, выдает людям в лицо все, что о них думает, и, похоже, не собирается менять скверные манеры.

Ника после такого заявления Майки хотела обидеться и быстро уйти – не встречалась с Филипенко шесть месяцев, и

не надо! – но тут ее взор упал на содержимое тележки, которую толкала перед собой подруга детства. Бутылка дорогого шампанского, баночки с крабами и черной икрой, несколько пакетов замороженных овощей, импортные конфеты и печенье... Явно не набор семейной дамы. Вот у Ники грудой свалены лотки с дешевой гастрономией, килограмм мяса на котлеты, упаковка макарон, пакеты с молоком, геркулес быстрого приготовления.

Не успела Ника сделать выводы, как из-за стеллажей с минеральной водой вынырнул красивый блондин, от силы лет двадцати. Вертя на пальце кольцо с ключом от иномарки, он спросил у Майи:

– С пузырями воду брать?

– Ага, – кивнула Филипенко.

Юноша юркнул в глубь супермаркета.

– Это кто? – разинула рот Ника.

Майка захохотала.

– Тереша, ты удивительная дура! Это всего лишь Антон, мой новый любовник. Слышь, Никуся, а чего ты себя в порядок не приведешь?

– О чем ты говоришь? – мрачно поинтересовалась Ника. Филипенко оперлась на ручку тележки.

– Даю бесплатную консультацию, по дружбе. Ты разговариваешь сейчас с одним из лучших российских имиджмейкеров, кстати, я беру немереные бабки за свою работу, но с тебя ничего не возьму за советы. Итак! Топаешь в салон, де-

лаешь короткую стрижку, красишь волосы в светлый цвет, исправляешь форму бровей, покупаешь тональный крем, румяна, тушь, губную помаду и начинаешь всем этим пользоваться. Прекращаешь жрать макароны, переходишь на овощи и как следствие сбрасываешь пятнадцать килограммов, меняешь стиль одежды и заводишь любовника. Крэкс, фэкс, пэкс, и вот вам вместо бабушки – девочка! Усекла?

– Я замужем, – по непонятной причине начала оправдываться Ника, – дома Вася, дочка Вера, хозяйство. Плюс работа. Я же в школе сижу, белые ботфорты туда не наденешь. Тебе хорошо, семьи нет, а у меня...

– Не ной, Тереша! – оборвала Нику Майя. – Ты сама себе такую жизнь создала, теперь наслаждайся.

– Но мне она не нравится, – вдруг откровенно призналась Ника.

– Тогда действуй, – фыркнула Филипенко. – Тебя ж никто к дому гвоздями не прибивал! В качестве первого шага поменяй одежду.

– Это трудно, – вздохнула Ника.

– А тогда не жалуйся, – пожала плечами Майя. – Ладно, пока, мне пора. Кстати, перестать жрать легко. Попробуй, никаких снадобий не надо: просто прекрати бесконтрольно есть. Должно помочь!

Вымолвив последнюю фразу, Филипенко убежала, оставив после себя аромат дорогих духов.

Неделю после разговора с Майей Ника ходила сама не

своя, а потом поняла: она и не жила вовсе. В очень юном возрасте выскочила замуж, родила Верку – и понеслось. Никаких романов за Терешкиной не числилось, и эпатажную обувь вкупе с вызывающе красным лаковым пальто ей натянуть слабо. В конце концов Ника приняла решение коренным образом изменить свою жизнь.

Для начала Терешкина перестала ужинать. Потом, в ажиотаже, отменила и обеды. Может, на кого-то диеты не действуют, но Никины жиры начали таять, и теперь она весит, как в юности, шестьдесят килограммов. Затем Ника изменила прическу, одежду и манеру поведения. Она похорошела, помолодела и лишилась спокойной семейной жизни, потому что теперь Василий стал устраивать жене скандалы. Думаете, он ее ревновал? Как бы не так – Вася дергался из-за денег.

– Ты с ума сошла на старости лет, – бубнил муж, – раз в неделю в салон бегаешь! Счета видела? Маникюр, педикюр... За каким чертом? Кто тебя, кроме меня, разглядывать станет? Да и я не буду! Пальто новое купила, сапоги... Всю заначку распатронила! А если заболеем, на что будем жить?

Чем больше возмущался Вася, тем сильнее Ника ощущала себя птицей в клетке. Две недели назад Терешкина решила окончательно скинуть с себя оковы. Она заявила мужу:

– Все! Больше жить по-прежнему не хочу. К гробу багажник не приделаешь.

Онемевший от услышанного Василий притих...

– Пусть скажет «спасибо», что я не ушла от него, – шипела

сейчас Ника. – Зануда!

– Ты совсем сбрендила! – ахнула я. – Вы столько лет в браке!

– Значит, тебе можно развестись, а мне нет? – окрысилась Ника. – Все станут свободными, а Терешкина тащи на горбу семейный гнет?

Я растерянно примолкла. Некоторое время назад в моей жизни произошли малоприятные события. Я уже рассказывала о них и повторяться сейчас не хочу,¹ просто напомним: теперь я живу одна. Мы с Олегом официально не оформили развод, и юридически писательница Арина Виолова до сих пор считается женой господина Куприна, но фактически семьи нет.

Не скрою, мне было тяжело рвать отношения, а еще тяжелее оказалось остаться без Томочки. Подруга мне ближе, чем сестра, но и с ней пришлось расстаться. Кто прав, кто виноват, судить сложно. Первое время я была абсолютно уверена в собственной непогрешимости, теперь же понимаю: я сама допустила много ошибок. Однако содеянного не исправить. В общем, на данном этапе я живу в гордом (или не очень гордом?) одиночестве. Может быть, о своей личной жизни я расскажу в другой раз, хотя, если честно, ничего интересного со мной не происходит.

– Я не собираюсь и дальше быть ломовой лошадкой! – зли-

¹ Об этом можно прочитать в книге Дарьи Донцовой «Зимнее лето весны», издательство «Эксмо».

лась Ника. – Короче, в качестве подарка на юбилей жду от тебя помощи.

– Говори, какой, – велела я.

– Выйди завтра вместо меня в школу и поработай там неделю.

– Это невозможно!

– Почему?

– Ну... потому.

– Назови хоть одну причину, которая может тебе помешать! – взвизгнула Ника.

– Я не знаю психологии, не умею общаться со школьниками... Думаю, с лихвой хватит двух вышеперечисленных причин.

Ника засопела.

– Напоминаю, коли ты забыла: я служу не душеведом, а классной дамой. Гимназия элитная, наряду с педагогами в ней работают и воспитатели. Девятый класс – не маленькие дети, одевать, обувать их на прогулку не надо, ты легко справишься. Всего-то и требуется – следить за дисциплиной, собирать дневники, проставлять отметки... Тьфу, а не обязанности.

– Вот именно, тьфу! – обозлилась я. – Это совершенно мне не нравится.

– Ну Вилка! – хныкала Ника. – Умоляю! Всего-то семь дней.

– Извини, я не понимаю, зачем тебе это понадобилось!

– Поеду в Дубай, – зашептала Ника. – Это можно сделать лишь сейчас, потом не получится. Понимаешь, я попросила у директора, а он, козел, уперся: «Нет, госпожа Терешкина, никакого отпуска! Иначе ищите другое место!» Только мне работу в гимназии терять не хочется. И мне повезло: директор в больницу угодил, желчный пузырь ему вырезали, а завуч, добрая тетка, согласилась на подмену. Ну, Вилка, пожалуйста! Я на неделю в Дубай, а ты со школьниками пово-
зишься. Неужели трудно? Ведь ты не ходишь на работу!

– Я пишу книгу!

– Ну и что? Эка трудность! Притопаешь с занятий и пи-
ши себе на здоровье. Тебе ж без разницы, когда бумагу пач-
кать, – захихикала Ника.

– И с кем ты намылилась отдохнуть? – поинтересовалась
я. – С Васей?

– Ха, нужен он мне! С бойфрендом, – зашебетала Тереш-
кина. – Я недавно с ним познакомилась в клубе «Пи восемь».

Я онемела. Бойфренд? Учítывая, что Ника скоро отме-
тит сорокалетие, это скорее дедфренд. И она бегаёт по клу-
бам, где оттягивается толпа мальчишек и девчонок одного
возраста с её дочкой Верой? Здорово же Терешкину пере-
клинило. Хотя ничего удивительного, эффект маятника: ес-
ли он очень долго находился справа, то рано или поздно его
занесет влево.

– Вилушечка! Любимая! Дорогая! Солнышко! – причита-
ла Ника. – Подумай, как здорово: тебе не придется тратиться

на подарок. И все получится шикарно – я смогаюсь в Дубай и место не потеряю. Директор-то в больнице, он и не узнает о подмене, завуч душенька, милейшая тетка.

– Почему ты выбрала в качестве спасательного круга именно меня? – сделала я очередную попытку отбиться от роли классной дамы.

– А кого еще? Остальные по графику трудятся, им со службы не удрать. Только ты, Вилка, можешь себе позволить недельку пропустить, ты круче всех устроилась, – ляпнула Ника.

– Ага, хорошо бы... – начала я возмущаться.

Но Терешкина не дослушала меня до конца. Живо приняла начало фразы за мое принципиальное согласие и завизжала:

– О! Супер! Вау! Завтра приходи к десяти. Записывай адрес... Спросишь Ирину Сергеевну Ермакову. Ты круче Бэтмена, прекраснее Белоснежки! Чмок! Чмок! Чмок!

В полнейшей растерянности, понимая, что меня вынудили на то, чего я не собиралась делать, я старательно зафиксировала название улицы и номер дома, где располагалась гимназия, и под аккомпанемент восторженных воплей Ники повесила трубку. Может, Терешкина сошла с ума? Кстати, я совсем забыла спросить, как она объяснит свое отсутствие Васе. Тот абсолютно нормальный мужик, правда, скучный до зевоты, но ведь это еще не повод, чтобы рвать многолетние отношения. Хм, Ника теперь, оказывается, носится по тусов-

кам, говорит на сленге подростков и намылилась с любовником в Дубай... Дивные вещи происходят иногда с людьми! От кого, от кого, но от Терешкиной подобного зигзага я никак не ожидала. Правда, мы не общались несколько месяцев, и надо же, какие сногшибательные перемены случились с подругой.

Глава 2

К сожалению, я слишком ответственный человек. Не знаю, откуда взялось во мне это качество, но скажу прямо – оно сильно усложняет мою жизнь. Если я что-то пообещаю, то непременно сделаю. Согласитесь, намного удобнее покивать головой и через пять минут навсегда забыть об обещании. Только я так не могу.

На следующий день после шокирующей беседы с Никой я, повздохав пару секунд около двери с надписью «Учительская», потянула ручку и вошла в просторную комнату, где вокруг овального стола сидело довольно много народа, в основном женщины климактерического возраста. Правда, во главе расположился мужчина в сером костюме. Услышав скрип двери, он повернул голову и, пытаясь скрыть раздражение, сказал с фальшиво-вежливой улыбкой:

– У нас собрание коллектива, подождите в коридоре. А еще лучше – подойдите к педагогу после окончания уроков. Тогда учителю легче выкроить время для беседы с родителями.

Я хотела представиться, но не успела, симпатичная шатенка перебила дядьку:

– Вы вместо заболевшей Терешкиной?

Я кивнула.

– Очень неприлично опаздывать, – немедленно погасил

улыбку мужчины, – садитесь. Я продолжаю! По какой причине школьники пятого «Б» зовут меня, учителя истории, уважаемого человека, Кириллом Тимуровичем?

– Это ваше имя, – спокойно пояснила дама в темно-синем костюме.

– А вот и нет! – покраснел дядька. – Мое имя Кирбальмандын Турбинкасыбарашидович, и я требую, чтобы ко мне именно так и обращались!

Над столом пролетел шепоток. Я постаралась сохранить нейтральное выражение лица, решив, что было бы неприлично начать сейчас громко смеяться.

– Да, да, Кирбальмандын Турбинкасыбарашидович, – повторил учитель. – Свое имя я ношу с колыбели и не собираюсь откликаться на дурацкого Кирилла Тимуровича!

Я с трудом сдержала смех. Интересно, найдется в Москве хоть один ребенок, способный произнести без запинки «Кирбан... Курбиль... тыр... быр...» У меня это точно не получится, хоть я давно закончила школу.

– Уж извините, – склонила голову набок приятная старушка в полосатом свитере, – я не хочу вас обидеть, но... понимаете... это немного сложно... необычно... непривычно...

– Хорошо, – смиростивился дядька, – пусть обращаются ко мне по фамилии, я не стану возражать. Могут называть меня просто: господин... или нет – профессор Бешмуркан-тыгданбай.

Присутствующие замерли, и некоторое время в учительской стояла тишина. Историк сел.

– Хорошо, – подвела итог симпатичная шатенка. – У кого еще возникли проблемы?

– Я хочу сказать о стульях! – вскочила с места полная блондинка. – Доколе у нас...

Я ощутила легкий тычок в бок, повернула голову влево и увидела кареглазую девушку, на коленях которой лежала газета.

– Давай познакомимся, – прошептала она. – Я Алиса, биология.

– Виола, можно просто Вилка, временно классная дама, – ответила я.

– Правда, он идиот? – хихикнула Алиса. – Быр... Тар... Беш... Господи, вот несчастные дети! Чем дураку «Кирилл Тимурович» плох?

– Не знаю, – шепнула я в ответ.

– Слушай, ты в кино разбираешься?

– Совсем немного. А что?

– Да тут в кроссворде вопрос: фильм со Шварценеггером «Красная ж...». Знаешь, о чем речь?

– Думаю, «Красная жара», – ответила я. – Название помню, но сюжет не перескажу.

– Ой, спасибочки, – заулыбалась Алиса. – А то смотрю, слово из четырех букв, первая «ж». Ну не может же быть то, что первым в голову пришло? Красная... кхм, сама понима-

ешь что!

Выпалив это, Алиса не удержалась и громко засмеялась.

– Турганова, – воскликнула шатенка, – у вас вопрос?

– Нет, нет, Ирина Сергеевна, – быстро ответила девушка, – я с новенькой знакомлюсь.

– Еще успеете пообщаться, – сделала замечание завуч. – Прошу всех разойтись по классам. А вы, дорогая, оставайтесь, – посмотрела она на меня.

Я покорно замерла на стуле. Когда учительская опустела, дама представилась:

– Ирина Сергеевна Ермакова. Поскольку вы временно выручаете подругу, то официально представлять вас коллективу я не стану. Ваша задача – присутствовать на занятиях, следить за дисциплиной во время уроков и на перемене, отправлять детей завтракать и обедать, ходить с ними на прогулки. Вот инструкция, здесь все расписано по секундам. Удачи! Ступайте на второй этаж, в кабинет пять, у девятого «А» сейчас там военное дело.

– Разве в школах его преподают? – не сдержала я удивления.

– Мы гимназия, – гордо поправила меня завуч. – Лучший опыт советских учебных заведений мы обогатили удачными западными наработками и... Идите, идите, занятия начались.

Я пошла на рабочее место, ругая про себя Нику, которая небось уже нежится на песочке или попивает коктейль «Рай

на пляже». Ну почему я постоянно оказываюсь не там, где хочется? Всегда ненавидела школу и вот теперь, пожалуйста, должна изображать из себя классную даму! Это ни в какие ворота не лезет!

Решив не стучать, я распахнула дверь и вошла в комнату, слишком просторную для десяти школьников. Они немедленно оторвались от доски, возле которой с мелом в руке стоял полный лысый дядька, и уставились на неожиданную гостью.

– Опаздываем? – рявкнул педагог. – Фамилия?

– Тараканова, – автоматически ответила я.

Класс захихикал.

– Почему в джинсах? – продолжал учитель, подходя к столу и беря журнал. – Где форма?

– Разве она нужна? Никто не предупредил меня о спецодежде, – растерялась я.

Дети начали смеяться в голос.

– Разговорчики в строю! – стукнул кулаком по столешнице военрук. – Тараканова, вас нет в списке учащихся. Похоже, вы кабинет перепутали. И чем только вчера занимались? На урок опоздали, где учитеесь, не помните...

– Бухала и ширялась, – пропищал чей-то тоненький голосок.

Очевидно, кто-то из учеников обладал даром чревоутоления, потому что рты у всех были закрыты.

– Ступайте вон, пожалуйста, – обозлился преподаватель, –

ваш класс, вероятно, на физкультуре.

– Спасибо за комплимент, – кивнула я, – но, увы, я давно получила аттестат зрелости. Разрешите представиться: временная классная дама девятого «А» Виола Тараканова.

– Ага, – не смутился преподаватель, – тогда садитесь.

Я двинулась по проходу к свободному столу, вслед полетел тихий свист, потом кто-то произнес басом:

– Таковую и трахнуть можно.

Я мгновенно отреагировала – обернулась на звук. Стало понятно, что хамское замечание отпустил подросток с лицом, усеянным прыщами, шею его обвивала толстенная золотая цепь, а из-под форменного пиджака выглядывала майка с подписью «Fuck pease».

Я шагнула назад, оперлась о парту наглеца и сделала неприличный жест рукой.

– Видал?

– Что? – откровенно растерялся школьник.

– Это по поводу трахнуть! Ни одна здравомыслящая женщина не ляжет с тобой в койку, и, судя по угрям, тебе до сих пор не удалось никого соблазнить. Поэтому молчи в тряпочку! Ты не Казанова, а так, писающий мальчик. Кстати, если ты попросишь, я подскажу, как избавиться от прыщей на твоих щеках, может, тогда ты наконец лишишься невинности. Но умолять меня тебе придется долго, я люблю выслушивать песни от коленопреклоненных хамов. Йес?

– Вы не имеете права так разговаривать с учеником! –

вспыхнул подросток. – Я папе пожалуюсь.

– Ути-пути... – сделала я ему «козу». – Сколько угодно!
Еще заплачь.

Глаза парня вывалились из орбит.

– Тебя как зовут? – спросила я.

– Тима, – ответил негодник.

– Супер! Сработаемся, малыш! – кивнула я и села за парту.

Я уже говорила, что не являюсь Макаренко, к тому же я не собиралась делать карьеру педагога. А теперь назовите хоть одну причину, по которой я должна была сделать вид, будто не слышала хамского заявления Тимы?

Решив забыть о неприятном эпизоде, я сосредоточилась на доске и попыталась вникнуть в тему урока. Ничего не заметивший учитель стоял спиной к классу и писал на доске пример. Он в столбик разделил 205 на 2, и в ответе у «Пифагора» почему-то получилось 104. Мне казалось, что должно быть 102,5. Но я не являюсь математическим гением, и вполне вероятно, что сейчас ошиблась.

– Андрей Владимирович, – протянул мой новый знакомый Тима, – ваще-то неверно.

– Где? – удивился военрук.

– Будет сто два с половиной, – очень вежливо подхватила девочка со второй парты.

Мне стало интересно, каким образом тупица выкрутится из щекотливой ситуации?

Андрей Владимирович поскреб пальцем лысину.

– Ну... в принципе... такая уж точность нам тут не нужна. Можно приблизительно. Сто два и пять это же примерно сто четыре. А вообще вероятность попадания ракеты по цели составляет сорок процентов. Что, Марина?

Девочка со второй парты опустила руку и задала вопрос:

– Скажите, при запуске ракеты в мишень целятся?

Андрей Владимирович величаво кивнул:

– Да. Логично предположить, что если целиться мимо, то вероятность попадания составит шестьдесят процентов.

Я стала медленно стекать под стол. Главное, сейчас не захохотать во весь голос, получится неэтично, все-таки я временно принадлежу к стану учителей и должна держать оборону на их стороне.

Тихо дремавший класс проснулся и начал откровенно хихикать. Андрей Владимирович наконец-то сообразил, что сморозил глупость, и решил исправить положение.

– Вот что я скажу, Марина, – заявил он, подняв указку, – по уставу мимо цели стрелять не положено. А сейчас хватит отвлекаться, я на доске нарисую схему, а вы ее перенесете в тетради разноцветными фломастерами, чтобы душа радовалась от аккуратности и точности, необходимой для дальнейшего понимания материала проводимого урока наглядной агитации общего направления для вашего всестороннего развития, как интеллектуальной, так и физической силы...

У меня от его красноречия закружилась голова, и остаток

урока я провела в нирване, покачиваясь, словно китайский болванчик.

Не успел отзвенеть звонок, как ко мне подскочил Тима.

– Правда вы рецепт от прыщей знаете?

– Да, – кивнула я.

– И че делать надо?

– У тебя не получится, – ответила я, – можешь даже не стараться.

Подросток снисходительно ухмыльнулся.

– Мне мать купит любой крем, хоть за сто тысяч баксов.

– Небось ты уже все перепробовал? – усмехнулась я.

– Да, – нехотя признался паренек. – В институт красоты ходил, ни фиги! Че тока не делал!

– Ладно, – сдалась я, – если и дорогие средства для лица тебе не помогли, значит, ты идешь в неправильном направлении. Итак, сначала садишься на диету...

– Эт-та зачем? – подпрыгнул Тима.

– Странный вопрос, – пожала я плечами. – Ясный перец, чтобы научиться ездить верхом на бегемоте.

– Но я хочу забыть об угрях, – напомнил он.

– Тогда не задавай глупых вопросов! – рявкнула я. – Запоминай: копченое, соленое, острое, сладкое не ешь. Чипсы, орехи, гамбургеры, вообще весь фаст-фуд – вон. Вместе с конфетами, мороженым, лимонадом и жвачкой. Курить нельзя, хотя, если уж совсем ломает, сигареты оставь, но не больше трех в день.

– А че есть-то? – испугался Тима.

– Геркулес, гречку, овощи с постным маслом, фрукты, простой кефир. Все нежирное, хлеб желательно с отрубями и никаких сосисок! Отварная куриная грудка, рыба на пару. Кофе и какао нельзя, только чай. Да не увлекайся соками из пакетов, они бесполезные.

– Ага, – кивнул Тима.

– Покупаешь лосьон для лица и бутилированную воду, а еще детский крем от опрелостей, любой. Утром умываешься, протираешь лицо лосьоном и точечно мажешь прыщи кремом. Вечером, перед сном, процедуру повторяешь. И непременно делаешь маску: берешь один белок, без желтка, и наносишь на лицо, лучше кисточкой, ждешь, пока подсохнет, затем смываешь. И ни в коем случае ничего не выдавливаешь и грязными лапами щеки и лоб не трогаешь. Через месяц и следа от прыщей не останется. Да, еще необходимо каждый день принимать душ и кого-то полюбить!

– Девочку? – напрягся Тима.

– Дома есть собака, кошка, черепашка?

– Нет.

– Купи котенка, если нет аллергии, и вырасти и воспитай его, – посоветовала я. – Прыщи исчезнут.

– Что-то не верится, – протянул Тима.

– Попробуй, – улыбнулась я. – Что ты теряешь? Диета, уход за кожей, котенок. И не надо принимать никаких лекарств, только по жизненным показаниям. Даже витамины

отложи. А котика лучше взять не в элитном питомнике.

– А где же? – округлил глаза недоросль.

– Иди в любой магазин, где торгуют товарами для животных, и обратись к продавцам. Сразу получишь котенка, скорей всего уже привитого и приученного к лотку. Сотрудники подбирают их на улицах и отдают в хорошие руки.

– Мама не захочет, – протянул Тима.

– Послушай, ты спросил рецепт от высыпаний, я его тебе сообщила, остальное меня не касается.

– Спасибо, – неожиданно вежливо кивнул паренек.

– Пока не за что, – ответила я.

В урочный час класс отправился завтракать, а я решила выйти во двор подышать свежим воздухом – в гимназии, несмотря на работающие кондиционеры, стояла духота. Но не успела я сделать пару шагов, как в кармане завибрировал мобильный. «Номер неизвестен» высветилось на дисплее, и мне моментально расхотелось брать трубку. Скорей всего это кто-то из журналистов хочет получить интервью от писательницы Арины Виоловой. К сожалению, у представителей СМИ теперь мало тем для статей, никто из них не желает писать очерки о хороших людях, честно работающих на своем месте. Давненько мне не встречались беседы с многодетными семьями, в которых папа с мамой не пьют водку и не обижают ребят. Поверьте, подобные есть. Равным образом существуют на свете честные милиционеры, изобретатели-рационализаторы, талантливые ученые, дружные комму-

нальные квартиры и дома престарелых вкупе с хосписами, где никто не унижает ни стариков, ни умирающих. Вот только корреспонденты охотятся за жареными фактами и деталями вечеринок звезд шоу-бизнеса. Если у какой-нибудь малоизвестной певицы во время танца из лифчика выскочит грудь, будьте уверены, фото силиконовой прелести облетит всю страну. А об участковом, который погиб, защищая прохожих от бандитов, не сообщит никто.

Уехав от мужа, я превратилась в объект для ньюсмейкеров, желтая пресса охотится за писательницей Виоловой в надежде узнать подробности ее с супругом ссоры, но мне не хочется ничего комментировать. Поэтому сейчас я не собиралась отвечать. Просто отсоединюсь от сети, и все...

День покатился дальше. После уроков, когда я включила сотовый, он буквально взорвался сообщениями: «Принят звонок», «Прослушайте запись».

Тут только я сообразила, что могу набрать номер автоответчика и услышать голос человека, столь упорно добивавшегося меня.

– Это я, Ника... меня Василий убивает... помоги... у него молоток... о... о... – шептал женский голос.

Запись оборвалась, мне стало нехорошо. Тут же я услышала новое сообщение:

– Я... я... Вася, Вася... не убивай... не убивай... Я не виновата!

Снова тишина, и опять еле слышное:

– Здесь... я... я... Вася, Вася... а... а... а... Он меня убивает! Помогите! Вася меня убивает молотком...

Я понеслась во двор и набрала номер Терешкиной.

– Алло, – раздался незнакомый голос.

Я отсоединилась. Попала не туда, надо повторить попытку!

– Говорите! – рявкнул тот же бас.

– Можно Нику?

– Вы имеете в виду Терешкину?

– Да, да.

– Вы кто?

– Ее подруга, Виола Тараканова.

– Зачем звоните?

Вот тут у меня свело желудок.

– Что случилось?

– Откуда вы знаете о происшествии?

– Вы подошли к ее телефону, значит, Ника не способна сама ответить. И потом, она пыталась со мной соединиться, а я...

– Терешкина не подойдет, – сухо перебил мужчина.

– Можно мне приехать? – заорала я.

– Приезжайте, – снизошел незнакомец.

– Уже мчусь!

– Адрес хоть знаете?

– Господи, я не раз бывала у Ники дома!

– А кто вам сказал, что место происшествия ее квартира?

Действительно! Я прикусила губу, потом спросила:

– И куда ехать?

– Гостиница «Оноре».

– Где это?

Мент сообщил координаты. И тут же добавил:

– Но туда являться не надо. Я жду вас в отделении, оно рядом. Долго вам добираться?

– Думаю, полчаса.

– Ну и отлично, – заметно повеселел собеседник.

Глава 3

Милиционер на входе в отделение бдительно спросил:

– Вы куда?

– Меня ждут, – запыхавшись, ответила я. – Только что я разговаривала с кем-то из ваших, кто занимается убийством в отеле «Оноре», он пригласил меня в отделение.

– Подождите, – приказал мент и схватил телефон.

Спустя минут пять из коридора вышел парень, одетый в дешевые джинсы и серо-голубой пуловер. Он приблизился к дивану, где я сидела, и мрачно представился:

– Лейтенант Федькин.

– Тараканова, – ответила я, – Виола.

– Слушаю, – сурово сказал Федькин.

– Что случилось? Где Ника? С ней можно поговорить? – занервничала я.

Лейтенант молча привел меня в свой кабинет, плюхнулся в кресло и вытащил из кармана пачку сигарет.

– С ней – нет, Терешкина вам не ответит, – заявил он.

– Почему? – испугалась я. – Ей так плохо?

– Вероника убита, – равнодушно сообщил Федькин.

– Врешь! – вырвалось у меня. – Это невозможно!

– Случается порой, – спокойно откликнулся Федькин. – Насколько я понимаю, вы были знакомы?

– Да, – прошептала я.

– Давно дружили?

– Не один год.

– Значит, вы в курсе личной жизни покойной?

Я попыталась сосредоточиться.

– Вы уверены, что Ника мертва?

– Абсолютно, – скорчив недовольную гримасу, заявил Федькин. – Так что насчет ее личной жизни?

– Ее у нее не было, – прошептала я. – Вернее, у Ники была семья: муж Вася и дочь Вера, они вполне хорошо жили, как все, тихо, спокойно. Но потом Терешкина столкнулась в магазине с подругой Майей Филипенко, и та, насколько я понимаю, сбила ее с толку. Ника решила, что время бежит быстро, скоро старость придет, а с ней ничего захватывающего не происходит, ну и пошла вразнос: похудела, поменяла прическу, стала скандалить с мужем, завела любовника.

– Имя, фамилия, отчество любовника? – ожил Федькин, выуживая блокнот.

– Понятия не имею!

– Вы с ним не знакомы?

– Нет.

– Ну ладно, – кивнул парень. – Это все?

Я протянула лейтенанту свой мобильный.

– Прослушайте сообщение на автоответчике.

Федькин приложил трубку к уху, затем поинтересовался:

– Она вам звонила несколько раз. Почему вы не отвечали?

– Сидела на рабочем месте, – после легкого колебания от-

ветила я. Очень не хотелось сообщать ему, что я писательница и не желаю общаться с журналистами.

— Понятно, — кивнул Федькин. — Почему же потом трубку взяли? До вечера далеко.

— Я что, подозреваемая?

— Пока нет.

— Очень мило!

— Лучше сразу честно ответить на все вопросы, — вкрадчиво заявил лейтенант.

Я заморгала, но потом взяла себя в руки.

— Я не вру милиции. Номер звонившего, как видно на дисплее, скрыт. Сегодня я по просьбе Ники замещала ее на работе, сидела на уроках. Неудобно же в такой момент трепаться по мобильному. К тому же я предпочитаю не общаться с людьми, шифрующими свои координаты. Но потом я подумала, что можно прослушать автоответчик. К сожалению, не сразу догадалась о столь простом решении проблемы.

На лице Федькина появилось выражение терьера, который обнаружил прямо перед своим носом жирную крысу.

— Теперь поподробнее насчет Эмиратов, пожалуйста, — приказал оперативник.

Из цепких лап Федькина я вырвалась только через час и в самом скверном настроении поехала домой.

Я уже упоминала, что в моей жизни произошли радикальные изменения и сейчас я живу одна в симпатичной двухкомнатной квартире. Загородный дом и джип остались в

прошлом. Правда, особняк мне снимало издательство, потому что я затеяла ремонт в родном гнезде, а машину... Впрочем, хватит ненужных воспоминаний! Одним словом, сейчас у меня есть уютная норка и юркая малолитражка (кстати, в условиях пробок и полнейшего отсутствия места для парковки джип в Москве – ненужная забава). Я вполне довольна своей жизнью, вот только о продуктах и приготовлении еды теперь следует заботиться самой. Но много ли надо одинокой женщине?

Вспомнив, что в холодильнике пусто, я остановилась у супермаркета и пошла бродить между прилавками. Колбасу я не ем, мясо не люблю, сыру не хочется, готовые салаты не употребляю... Что купить? Может, гречку? Нет, ее надо варить, а это лень. Лучше взять пакет с замороженными овощами. Высыпать их на сковородку, и вот тебе отличный ужин.

Бросив в тележку «Набор для жарки», я потащилась дальше. Так, пачка чая, лимон, банка клубничного варенья... Внезапно мне захотелось сладкого, но не конфет, а каких-нибудь крайне бесполезных булочек, плюшек, ватрушек. Глаза устремились на прилавок. Колечко с творогом? В принципе, вкусная вещь, но начинка может оказаться кислой. Миндальное пирожное? Замечательная штука, только я опытный потребитель и знаю, что необходимо внимательно читать состав продукта, который собираешься купить. Так и есть! В миндальном пирожном нет и намека на благородный сорт орехов, его испекли, добавив в тесто арахис. Нехорошо об-

манывать покупателей, основная масса которых польстится на привычный внешний вид пирожных и только на собственной кухне сообразит: приобретено явно не то, чего хотелось.

Ладно, продолжим изучать предлагаемый ассортимент. Зефир, пастила, «орешки» со сгущенкой, маковый рулет. А это что такое? «Мальчик-с-пальчик в глаз печенье». На секунду я замерла, потом еще раз прочитала ценник. Все абсолютно правильно: «Мальчик-с-пальчик в глаз печенье». Ну и ну! Кто получает в глаз? Покупатель? Печеньем? Какой-то странный рекламный трюк...

– Девушка, чего желаете? – окликнула меня продавщица.

– «Мальчика-с-пальчика», – на автомате произнесла я. И тут же испуганно зажмурилась: вдруг тетка начнет пулять в меня печеньем?

– Сколько?

Я осторожно взглянула на женщину.

– Оно по штукам, – пояснила та, держа в руках совочек, – большое очень, на пирожное смахивает.

– Цена указана за килограмм, – дрожащим голосом напомнила я.

– Ну да, – беззлобно пояснила продавщица. – Только видите, какие лепешки здоровенные?

– Оригинальная идея – назвать «Мальчиком-с-пальчиком» такие громадные куски!

– Они сильно крошатся, разрезать или разломать невозможно, поэтому я и говорю: берите штуками, – меланхолич-

но гудела продавщица.

– Ладно, дайте две.

Женщина подцепила пару блюдцеобразных кругляшей и сообщила:

– Сто пятьдесят граммов. Пойдет?

– Да, спасибо, – кивнула я и снова зажмурилась.

– Голова болит? – сочувственно спросила она.

– Нет, – ответила я. – А что, плохо выгляжу?

– Щуритесь все время, вот я и решила, что вы мигренью страдаете.

– Скажите, почему изделие так странно называется? – любопытствовала я, сообразив, что никто не собирается меня бить. – Хм, «Мальчик-с-пальчик в глаз печенье»...

– По-моему, все нормально, – пожала плечами женщина. – Вон рядом «Красная шапочка», «Три поросенка», «Золушка». Серия сказок.

– Но почему в глаз? Как-то не по-доброму звучит.

– Вы о чем? – удивилась собеседница.

– На ценнике написано: «Мальчик-с-пальчик в глаз печенье». Непонятно, кто кому в глаз даст? И слишком агрессивно.

– Ну народ! – подбоченилась продавщица. – Хохмачи, все бы вам шутить! Тут целый день за прилавком скачешь как кенгуру, хохотать сил нет. «Мальчик-с-пальчик»! Печенье! Где вы глаз-то узырили? Еще скажите, что шоколадная помадка – это тушь для ресниц! Ладно бы мужик шутовал,

они тупые и пристают постоянно, но женщина! Че вам, делать не фиг?

– На бумажке написано, – я ткнула пальцем в витрину, – вот тут.

Торговка схватила ценник и громко прочитала:

– «Мальчик-с-пальчик в глаз печенье». И чего? Ясно и понятно, «Мальчик-с-пальчик в глазури». Сократили слово, чтобы уместилась надпись.

– А почему точку после буквы «з» не поставили? – только и сумела спросить я. – Без нее глупость получилась.

– Товар взвешен и отпущен, – отрезала тетка, – остальное не ко мне. Че со склада подняли, тем и торгую.

Я положила пакет в тележку и порулила к кассе. «Мальчик-с-пальчик в глаз печенье» – это просто смешно, а если «Казнить нельзя помиловать»? Слишком многое в данном случае будет зависеть от места, куда вы поставите запятую. Ладно, хватит занудствовать, сейчас перекушу и сяду за письменный стол. Хотя сомневаюсь, что сумею выдавить из себя даже пару абзацев.

Через пять дней мы хоронили Нику. По непонятной причине милиция задержала выдачу тела, поэтому погребение пришлось отложить. Гроб был закрыт, Вера, дочь Терешкиной, сидела на стуле около него, вся закутанная в черное. Казалось, девушка плохо понимает, что происходит. Всем, кто подходил к ней с соболезнованиями, она трясла руку и

говорила:

– Огромное спасибо, что пришли, мама очень рада вас видеть. Надеюсь, потом останетесь выпить по рюмочке? Столько вкусного наготовили, я всю ночь пироги пекла.

Услышав это заявление из уст дочери покойной, я вздрогнула, но, когда несчастная слово в слово повторила его для третьего знакомого, я сообразила – Вера в глубоком шоке, и на всякий случай встала около нее.

Народу было много, и почти никого из присутствующих я не знала. Сказать, что мне было некомфортно, – не сказать ничего.

Положив в гроб охапку гвоздик (отчего-то эти «советские» цветы показались мне наиболее уместными в данных обстоятельствах), я после окончания скорбной церемонии смешалась с толпой и с огромным облегчением увидела знакомое лицо – Майю Филипенко. Ту самую женщину, после встречи с которой Ника так разительно изменилась. Я подобралась к ней и тихо сказала:

– Здравствуй.

Майя обернулась и окинула меня взглядом. Я машинально отметила, что она не постеснялась наложить яркий макияж, даже губы накрасила яркокрасной помадой. Правда, Филипенко облачилась в черное, но пиджак слишком плотно обтягивал ее торс, и похоже, под ним не было ничего, кроме лифчика. Юбка выглядела слишком короткой и узкой, платочек на голове слишком кокетливым, туфли слишком

нарядными, чулки слишком ажурными. И от Майи исходил слишком сильный запах духов. В общем, все было слишком.

– Здравсти, – довольно громко ответила Майя.

Стоявшая перед ней старуха обернулась, выкатила из орбит выцветшие глаза и прошипела:

– Ведите себя прилично, вы не на свадьбе!

– Да ну? – не снижая голоса, воскликнула Филипенко. – Вот спасибо, объяснили! А то я прям от любопытства извелась, где же счастливый жених!

Бабка побагровела и, расталкивая локтями одетых в черное людей, ввинтилась в толпу.

– Ты ее знаешь? – спросила у меня Майя.

– Нет, – шепнула я. – Наверное, родственница.

– Просто любопытная, – хмыкнула она. – Из близких у Ники только Верка осталась. При крематориях толкуются люди, которым в кайф на чужое горе полюбоваться, они им питаются. И на поминки поехать не побрезгуют, поедят, выпьют – хорошо!

Я поежилась и тихо спросила:

– А где Василий?

– Кто? – воскликнула Майя.

– Муж Ники.

– Ну ты даешь! Его ж арестовали.

– Васю? – ахнула я. – За что? Мне никто ничего не сказал!

– Так ведь он ее и убил, – принялась объяснять Майя. – Думаешь, почему гроб закрыт? Васька Нику на тот свет от-

правил, потом решил тело изуродовать. Ты вообще в курсе событий?

– Нет, – помотала я головой. – Хотя Ника мне позвонила в день смерти, просила помочь... Называла имя мужа... но я думала... Ой, ничего я не думала, дала послушать автоответчик оперативнику... Пыталась связаться с Верой, а та трубку не брала. Вчера меня предупредила о похоронах какая-то незнакомая женщина.

Майя вцепилась в мое плечо ледяными пальцами, бесцеремонно оттащила к окну и с горящим взглядом воскликнула:

– Слушай! Ника, конечно, дура, но это же не повод убивать ее! Представляешь, не так давно она позвонила мне и занудила: «Майка, подскажи, где в Москве есть хорошая гостиница с комнатами на пару часов?» Понимаешь?

Я кивнула.

– Вот тут я прифигела! – азартно продолжала Майя. У нее аж голос хриплым стал от волнения. – Чего она вдруг об этом спрашивает именно у меня? Может, проституткой считает, которая укромные места для свиданий знает?

– И что ты ей ответила? – поинтересовалась я.

Майя поправила кукольный платочек, почти не прикрывавший яркокрашенных волос.

– Ответила, что не знаю. Сказала: посоветуйся с кем другим или купи газету типа «Секс-инфо», там адреса публикуют и частные объявления.

Я молча слушала Майю. Интересно, какая муха укусила

несчастную Нику, раз она в одночасье из положительной жены и матери превратилась в даму весьма легкого поведения?

Филипенко продолжала рассказывать, и передо мной постепенно вырисовывалась вся картина.

Ника послушала совет Майи и побежала к метро, схватила там нужное издание, пришла домой и начала звонить по указанным номерам, а потом уехала. Через некоторое время домой явился Василий, заметил на столе «Секс-инфо» с одним подчеркнутым объявлением, мигом сообразил, что задумала жена, ринулся за ней, нашел прелюбодейку в маленькой гостинице и убил ее, как принято писать в протоколах, «с особой жестокостью». Очевидно, у Василия помутился рассудок, потому что он колошматил жену и не остановился, даже поняв, что та мертва. Изуродовал тело так, что даже профессиональный гример в морге не сумел восстановить лицо. Потом Вася испугался содеянного и впал в ступор, тут его и взяла милиция.

Я прислонилась к подоконнику. В рассказе Майи было полно странностей. Первая. Почему Ника бросила на столе газету с отмеченным объявлением? Жена, которая вознамерилась изменить мужу, постарается соблюсти осторожность, а тут такая улика! Ладно, предположим, Нику охватила столь сильная страсть, что она начисто забыла об опасности. Но почему место для свидания искала она, женщина? Обычно такими вещами занимается кавалер! Мужчина приглашает даму, он обязан обеспечить удобное гнездышко,

шампанское, конфеты, музыку, свечи и прочую дребедень, без которой прекрасный пол не представляет себе упоительного вечера. Хотя какая, на фиг, романтика в убогом номере, где кровать продавлена десятками тел?

Может, Нике попался идиот, который заявил: «Хочешь любви, ищи место сама»? Вот Терешкина и бросилась за газетой. Ника решила вновь стать молодой, наделала глупостей, связалась не с тем человеком, не справилась с пожаром в крови. Хотя мне очень трудно представить Терешкину в роли суперсексуальной соблазнительницы.

Ладно, пусть она похотливая мартовская кошка, гормоны иногда способны разбушеваться даже у монашки. Но Василий? Я достаточно хорошо знаю его, чтобы понять: ему абсолютно наплевать на все, кроме ужина и телевизора. Вот если Васенька опоздает к началу обожаемого им шоу Андрея Малахова, тут он испытает подлинное горе. Интересно, в день, когда убили Нику, звездный ведущий красовался на экране? У популярной передачи есть выходные?

Я хорошо помню, какой скандал случился в день восемнадцатилетия Веры! Ника тогда устроила праздник по всей форме, написала сценарий, где каждому гостю отводилась своя роль. Ясное дело, главными действующими лицами предстояло быть самой Вере и ее родителям. Но задумка пошла прахом: в самом начале вечера Вася впился глазами в экран телевизора и выпал из реальной жизни. Как сейчас помню, речь шла о какой-то тетке, прикованной любовником

цепями к кровати, и Терешкин забыл про все на свете. Он принадлежит к той породе мужчин, которая не только не заметит газету с объявлениями на столе, но и не обратит внимания на измену жены, устройся та с любовником в соседней комнате, если на экране возник Андрей Малахов! Васе нужен телик и котлеты, все остальное не имеет значения.

Глава 4

Поминки проходили у Терешкиных дома. В квартиру набилась куча народа. Устроители трапезы, очевидно, предполагали большой наплыв людей, поэтому сидячих мест не было – я впервые участвовала в фуршете, который сопровождался печальной музыкой и траурными речами. Наверное, вообще не следовало приходить сюда, но ведь принято провожать покойного, а потом есть блины.

Помаячив с полчаса у буфета, я незаметно ушла. Веру после возвращения из крематория сразу уложили в кровать, Майя Филипенко, войдя в квартиру Терешкиной, куда-то подевалась, а я больше никого не знала, поэтому предпочла исчезнуть по-тихому.

Если писатель хочет получить деньги и славу, он должен постоянно приносить в издательство новые рукописи. Удачливый литератор – это не тот человек, который один раз написал интересную книгу, а тот, кто регулярно выпускает читаемые произведения. И я, повздыхав о своей тяжелой доле, подошла к письменному столу с твердым намерением взяться за работу. Но тут же начала зевать. Глаза стали закрываться, меня потянуло к кровати. А, ладно, полежу пару минут, а потом...

Резкий звонок ударил по голове. Я рывком села, увидела трясущийся на тумбочке мобильный и горько вздохнула. Вот

так всегда, только соберешься всласть потрудиться, как кто-нибудь тебя непременно разбудит! Ну и люди! Между прочим, уже десять вечера, а хорошо воспитанный человек не станет никого беспокоить после того, как закончилась программа «Время».

– Алло, – недовольно буркнула я в трубку.

– Ну и ну, я еле нашла твой новый телефон! – прозвучало в ответ. – Ты чего, с мужем развелась? Звоню по записанному в книжке номеру, подходит мужик и говорит: «Госпожа Тараканова сейчас находится по другому адресу».

Я собрала в кулак всю силу воли. Так, понятно, это очередной папарацци (вернее, очередная) ловит писательницу Арину Виолову. Любой нормальный человек, услышав подобное заявление из уст женщины, не пожелавшей представиться, пошлет нахалку куда подальше, но я не имею права на такой поступок, звездный статус обязывает. Вот если вас в магазине обхамит продавщица, вы со спокойной совестью вызовете старшего менеджера и накатаете жалобу, и ничего странного в поведении обозленного покупателя никто не усмотрит. Клиент, между прочим, всегда прав! Ага, но только со мной подобный фокус не пройдет. Если я достойно отвечу наглой торгашке, моментально услышу:

– Зазвездилась по полной программе, пальцы веером, морда кирпичом! На простых людей бросается!

Медленно досчитав до пяти, я ответила:

– Я сняла себе квартиру, чтобы спокойно писать книги. В

доме, где двое детей, не поработаешь. Простите, а кто мне помешал трудиться над очередной рукописью?

– Так вечер уже! – изумилась незнакомка. – Давно отдыхать пора.

– У писателей ненормированный рабочий день, – процедила я. – Представьтесь, пожалуйста.

– Не узнала меня?

– Нет!

– Майя Филипенко.

– Привет, – оттаяла я. – Извини, пожалуйста, за суровый тон, но мы с тобой редко болтаем по телефону, вот я и не вычислила, кто звонит.

– Ерунда!

– Я подумала, что журналистка пристаёт.

– Ну да, ты же у нас звезда... – со странным выражением произнесла Майя.

Мне очень не понравилось ехидство, прозвучавшее в речи Филипенко, поэтому я решила побыстрее закруглить беседу.

– Что случилось?

– Вроде ты детективы пишешь? – протянула Майя.

– Да, криминальные романы, – согласилась я.

– Я не читаю литературу такого сорта, терпеть не могу кровь, убийства, трупы!

И зачем Филипенко решила сообщить мне о своих негативных эмоциях? Ей-богу, вокруг полно очень странных людей!

– Не расстраивайся, – процедила я сквозь зубы, – мир художественной литературы огромен, ты непременно найдешь себе любимого прозаика. Сходи в книжный магазин, полистай издания, глядишь, и обнаружишь что-то интересное.

– Ваще не люблю читать, – заявила Майя.

Мое ангельское терпение с треском лопнуло.

– С выражением собственного мнения советую тебе позвонить во ВЦИОМ, – рявкнула я.

– Почему? – изумилась Майя.

– Потому что во Всероссийском центре изучения общественного мнения как раз интересуются общественным мнением, и сотрудники будут рады госпоже Филипенко, решившей сообщить им о своих вкусах и пристрастиях.

– Ну согласись, полицейские книжонки – просто мрак! – выдала Майя.

Я быстро нажала на красную кнопку. Если ударить в стену кулаком, каменная кладка ответит ударом на удар. Я, конечно, не кирпич, но с какой стати должна выслушивать гадости, если кому-то взбрело в голову их высказывать?

Телефон снова ожил, я схватила трубку и гаркнула:

– Беспокоить человека в десять вечера следует лишь по достойному поводу! Говори коротко, на бла-бла у меня времени нет!

– Ой, простите, – прозвучало в ответ, – ей-богу, я не хотела вам помешать! Звонила сегодня весь вечер, но никто не подходил. Еще раз прошу извинения.

– Вы кто? – не успев остыть, спросила я.

– Ирина Сергеевна Ермакова.

– Какого черта? Первый раз слышу ваше имя! – выпалила я и тут же прикусила язык: «Вилка, ты дура! Сейчас на том конце провода журналист с включенным магнитофоном».

– Еще раз извините, – лепетала женщина. – Неужели вы запомнили наше знакомство?

– За день у меня перед глазами проходит большое количество людей, – обтекаемо ответила я, взяв себя в руки.

– Вы замещали в нашей гимназии Веронику Терешкину.

– Вспомнила! Вы завуч Ирина Сергеевна!

– Верно, – обрадовалась дама. – Я видела вас на похоро-
нах, но не успела с вами поговорить. Понимаете... прямо не
знаю, с чего начать... Грядут большие неприятности! Умо-
ляю вас, помогите!

– Я?

– Вы!

– Но что я могу?

– Конечно, Тимофей Андреев – отвратительный маль-
чишка, – неожиданно искренне воскликнула педагог, – но
его отец, Николай Тимофеевич, наш щедрый спонсор. То де-
нег на ремонт даст, то книги в библиотеку купит, то бассейн
построит. Вот я и вынуждена улыбаться Тиме. А он ощуща-
ет особенность своего положения и всю этим пользуется.
Омерзительно наглый ребенок!

– Думаю, гимназии придется найти иного благодетеля.

– Ох, может, вы и правы, но дело не такое простое. Потом... Виола, я надеюсь на вашу деликатность. Короче, это секрет... Понимаете?

– Пока нет.

– Николай Тимофеевич – истинный владелец учебного заведения, – понизила голос Ирина Сергеевна, – наш директор – всего лишь служащий на зарплате, как все мы. Андреев не желает светиться, ясно?

– Нет, – твердо ответила я.

– Сейчас, сейчас. В гимназии есть директор...

– Не понимаю, чего вы хотите от меня.

– Вы у нас начали работать...

– Я замещала Веронику Терешкину, находилась в классе всего один день, по ее просьбе. Правда, она говорила о неделе, но после кончины Ники необходимость в моей службе у вас отпала.

– А вот и нет! – заголосила Ирина Сергеевна. – Тут такая катавасия случилась... Виола, насколько я поняла, вы нигде не состоите в штате?

Я замаялась. В гимназию я пришла в парике и затемненных очках – не хотела быть узнанной кем-то из детей или педагогов. Правда, я представилась настоящим именем – Виола Тараканова. С другой стороны, свои неожиданно ставшие популярными книги я пишу под псевдонимом Арина Виолова, и далеко не всем известны паспортные данные писательницы.

– А все Тимофей! – чуть не зарыдала Ермакова. – Мальчишка выдвинул ультиматум: либо вы у них будете классной дамой, либо он в школу не пойдет. И засел дома, поганец! Николай Тимофеевич обожает сыночка, потекает ему во всем... Ужас! Душенька, спасите, иначе меня уволят!

– Никак не пойму суть дела!

– Очень просто, – занудила завуч, – если вы не придете завтра в гимназию, я окажусь на улице! Тима поставил условие – либо вы в классе, либо он дома.

– Тут какая-то ошибка, – я попыталась успокоить плачущую даму. – Я ведь даже не успела как следует познакомиться с детьми.

– Тима, – всхлипнула Ермакова, – прыщавый такой.

– А-а-а, – осенило меня, – плохо воспитанный мальчишка.

– Он самый, – возликовала Ирина Сергеевна. – Отвратительный характер, отягощенный нездоровой генетикой. Ой, только не подумайте, что я плохо отношусь к Николаю Тимофеевичу! Но мальчик унаследовал гены матери, мда... Тима избалован, груб, ужасно учится, и с внешностью у него проблема. Он пытался вывести угри, мать сыночка по элитным клиникам возила, но эффекта ноль. А потом в классе случайно появились вы и сообщили ему некий чудодейственный рецепт...

– Ерунда! Самые общие рекомендации: нормальная еда, очищение и подсушивание кожи.

– Но мальчишке это помогло!

– Замечательно, я рада.

– Невероятно, но его лицо очистилось почти полностью.

– Значит, ему повезло.

– И теперь Тима заявляет: без Виолы в школу не пойду!

– С ума сойти, но я не собираюсь служить классной дамой.

– Милая!

– Это совершенно исключено.

– Дорогая!!

– Даже не просите.

– Солнышко!!! Хотите я на колени встану?

– Ни в коем случае. Тем более что это не поможет.

– Виолочка, – зашептала Ирина Сергеевна, – мне уже к полтиннику подкатывает.

– Вы замечательно выглядите, больше сорока вам не дать, – отпустила я комплимент.

– Возраст почти пенсионный, – всхлипывала Ермакова. – Выгонит меня Андреев вон, куда идти? В обычную общеобразовательную, на копеечную зарплату плюс классное руководство? Ни сил, ни здоровья нет.

– Кха, кха, – принялась я усиленно кашлять. Сейчас сообщу, что подцепила грипп, авось прилипчивая завуч отвяжется.

– Дочь с зятем – нищие бюджетники, – прошептала Ирина Сергеевна, – я тяну двух внуков-близнецов. Создам вам исключительные условия! Станете ходить на работу лишь тогда, когда присутствует Тима, а он прогульщик. Милая, до-

рогая... О моих детях подумайте! Они будут голодать!

– Ладно, – сломалась я.

– О-о-о! Спасительница!

– Есть небольшое «но».

– Я согласна на все!

– Я, правда, не планирую делать карьеру на педагогической ниве, долго работать не смогу.

– Душенька, а и не надо! – закричала Ирина Сергеевна. – Тимофей баловник, повозится с новой игрушкой и забудет. И каникулы летние скоро, за три месяца оболтус о вас и не вспомнит. Значит, завтра, в десять утра... Вы моя спасительница, я непременно вас отблагодарю, не люблю оставаться в долгу!

Я швырнула трубку на диван, осуждая себя за мягкотелость. Дорогая Вилка, прими искренние поздравления, ты в очередной раз стала жертвой манипуляций, купилась на сказочку о несчастных малютках, которые неминуемо скончались от голода, если их бабушка окажется за воротами гимназии. Ну почему я не заявила решительно: «Нет!»?

Телефон вновь ожил.

– Алло, – мрачно сказала я. – Говорите, незачем молча сопеть!

– Я не соплю, – послышалось из трубки, – то есть не сопаю. Ой, не знаю, как правильно сказать! Говорю, а ты не слышишь.

– Майя? Опять? – невежливо отреагировала я на новый

звонок Филипенко.

– Угу, нас разъединили, а потом почему-то пошел сигнал «занято», – как ни в чем не бывало продолжала приставала. – Так вот, я уже сказала: детективы не читаю!

– А я уже слышала твое заявление.

– Но здесь такая ситуация... Понимаешь, мне не с кем посоветоваться, а очень надо. Слушай, давай встретимся!

– Прямо сейчас?!

– А что? Время детское.

– Думаю, не стоит сегодня вести разговоры. Ты была на поминках и...

– Я абсолютно не пью!

– И, наверное, устала, – твердо закончила я фразу. – Лучше тебе пораньше лечь спать.

– Я никогда не укладываюсь до полуночи, – отбила мяч Майя.

Безбрежный эгоизм собеседницы начал меня раздражать.

– Охотно верю, что ты маешься бессонницей, – буркнула я, – но у меня никаких проблем со сном нет, а завтра к десяти я должна быть в одном месте. Предлагаю встречный вариант: беседуем в пятницу, часов в шесть, кафе на твой вкус.

– Но сегодня только среда! – возразила Филипенко.

– Пятница всего через день, – твердо поправила я.

– И мне очень надо! Я могу сама к тебе приехать!

Последнее заявление заставило меня засмеяться. Интересно, Майя всерьез полагала, что я сейчас помчусь куда-то

ради того, чтобы она мне рассказала о своих проблемах? Нет, у некоторых людей определенно беда с головой. И, к огромному сожалению, личностей со сдвинутой психикой появляется все больше и больше. Сначала на меня давила Ирина Сергеевна Ермакова, которой я нужна в качестве игрушки для избалованного юнца, а теперь я попала под пресс нахалки Маечки. И если в первом случае я таки дала слабину, то во втором я это делать не намерена. У Филипенко должны быть близкие подруги, пусть они и выслушивают ее причитания.

– Говори адрес, – наседала тем временем Майя.

– Лучше в пятницу, выбери уютное кафе.

– Скажи, во время поминок ты не обратила внимания на одну странную деталь? – вдруг перевела разговор на другую тему Филипенко.

– Да нет, обычная скорбная церемония, – пожалала я плечами. – Разве только закрытый гроб смущал, но это было на похоронах.

– Тут как раз все понятно, – протянула Майя. – Раз лицо изуродовано, зачем людей пугать? Василий жену капитально измолотил. Тело опознавала коллега по работе, вроде она завуч в гимназии, была сегодня в крематории. Даже менты дрогнули. Вере не показали маму. Ужас прямо! Понимаешь, я очень устала...

– Вот и отдохни, – обрадовалась я. – Давай, пока, бай-бай.

– Устала во время поминок, – уточнила Майя. – И пошла в

спальню к Нике, легла на ее кровать. Не очень приятно, скажу тебе, в моральном смысле, на койке мертвеца дрыхнуть, но я глаза прикрыла, задремала, потом вскочила и думаю: что-то тут не так. Оглядываюсь, осматриваюсь, и тут меня как стукнет: Ларсика нет!

– Кого? – удивилась я. – Я такого не знаю и не видела. Хотя не заметила на погребении и Ермакову, народу много было.

– Ларсика, – повторила Майя. – А Ника с ним никогда не расставалась, его ей Грета подарила.

Глава 5

– Кто такой Ларсик? – еще больше удивилась я.

Майя тяжело вздохнула.

– Видно, вы с Никой не очень близки были, раз ты про талисман не слышала.

– У нас были хорошие отношения, даже дружеские, – по непонятной причине начала оправдываться я.

– Домой к Терешкиной ты заглядывала?

– Сто раз.

– В спальню заходила?

– Конечно.

– Видела на тумбочке игрушку?

– Плюшевую собачку?

– Это тигр, – поправила Майя.

– Без полосок, весь какой-то серо-коричневый, – протянула я.

– От старости истрепался, – пояснила Филипенко. – Сейчас я в двух словах объясню ситуэйшен. Мы с Терешкиной в один класс ходили, Ника в школе отвратительно училась, на одни тройки. По идее, она заслуживала двоек, но отец Терешкиной заведовал гастрономом. Врубается?

Я прилегла на диван. В советские времена человек, имевший доступ к продуктам питания, обладал почти безграничной властью над окружающими. Оно и понятно, кушать хо-

чается каждый день, причем не один раз. А прилавки аж до середины 90-х годов прошлого века выглядели удручающе, даже простой кефир считался дефицитом. Поэтому дружить со всякими начальниками баз и директорами продмагов считалось престижным, даже обычный продавец затрапезной лавки являлся небожителем, он мог вытащить из подсобки массу вкусностей. Ясное дело, школьница Терешкина с таким папой была любимицей педагогов.

– Ей бы и пятерки ставили, – продолжала Майя, – но только не получалось, Ника тупая была.

– Совсем дура в университет не поступит.

– Ой, не смейся! – фыркнула Филипенко. – Или ты забыла, как в советские годы дела обстояли? Впрочем, думаю, и нынче не слишком традиции изменились: берешь конверт, кладешь пять сантиметров денег, и – оп-ля, твоя деточка – студентка. Вот только с Никой чудо приключилось.

– Какое?

– Я пытаюсь сообщить суть дела, а ты безостановочно меня перебиваешь, – рассердилась Майя. – Если замолчишь на минутку, я все объясню.

Я вытянула ноги и устроилась поудобнее на диванной подушке. Нет, быстро от Филипенко не отделаться. Но во всем плохом есть изрядная доля хорошего. Пусть сейчас Майя помучает меня, зато все расскажет, и не придется с ней встречаться. Согласитесь, беседовать по телефону с назойливой особой намного комфортнее, чем трепаться с ней же, сидя

в кафе. Филипенко не видит собеседницу, можно включить без звука телик... Внезапно мне стало весело, вспомнилась одна забавная ситуация.

Уж и не помню, в каком году, но точно до знакомства с Куприным я устроилась на работу в фирму, торгующую средствами безопасности. Контора предлагала желающим видеодомофоны, камеры слежения, разнообразные датчики и прочую технику. В мои обязанности входило отвечать на звонки клиентов и доходчиво объяснять им: самый лучший товар, причем по наивыгоднейшей цене, находится именно там, куда они обратились.

Один раз позвонила тетка, желавшая приобрести, как она выразилась, «прибор подгляда за нянькой». Я начала расхваливать имевшиеся в наличии шпионские камеры, но бабенка постоянно перебивала меня, восклицая:

– Че? Говори громче! Повтори, ни хрена не слышно!

В конце концов мне надоело работать попугаем, и я весьма невежливо приказала:

– У вас там миксер работает, выключите его, и замечательно все расслышите.

Через секунду назойливое жужжание, доносившееся из телефонной трубки, стихло, и клиентка пролепетала:

– Сейчас приеду за покупкой, говорите адрес.

Не прошло и часа, как в офис явилась чудовищно толстая бабища, вся обвешанная золотыми цепями и браслетами толщиной в две моих ноги, и направилась в торговый от-

дел. Спустя некоторое время старший продавец Коля Миткин, кланяясь в пояс, проводил клиентку до танкообразного джипа, куда подсобные рабочие уже начали грузить огромное количество коробок.

– Слышь, Вилка, мы тебе от отдела премию подкинем! – воскликнул счастливый Колька. – Ну, удружила! Знаешь, сколько она нахапала? Весь ассортимент приобрела.

– Рада за вас, – засмеялась я.

– И знаешь, по какой причине тетя-бегемот склад опустошила? – прищурился он. – Ты молодец!

– Я? Но я же ничего не успела ей объяснить. Вернее, попыталась это сделать, только у мадам шум стоял, она, похоже, одновременно с разговором яйца взбивала, кулинарка оказалась.

– И чего ты ей сказала? – прищурился Миткин.

– Попросила выключить миксер.

– Во! – заржал Николай. – Убила зверя наповал, угодила слону в глаз! Вошла бегемотиха к нам и заявила: «Беру все! Я убедилась, что у вас замечательная аппаратура в продаже».

– И каким образом она сумела оценить приборы, ничего о них не узнав? – изумилась я.

Колька утер выступившие от смеха слезы.

– Она объяснила: «Ваша девушка, с которой я по телефону говорила, увидела, что моя домработница белки для торта взбивает, и приказала отключить миксер. Шикарная техника, хочу такую!»

На секунду я растерялась.

– Ничего я не видела, из телефона звук шел, он и мешал разговору.

– Я так и понял, – кивнул Колька, – только покупательнице не стал ничего объяснять. Круто получилось! Молодца, Вилка...

– Ты меня слышишь? – взвизгнула трубка.

– Да, – очнулась я от воспоминаний и сосредоточилась на словах Филипенко.

Постоянные двойки Ники, которые превращались в тройки после продуктовых «инъекций» учителям, очень раздражали маму Терешкиной. Она отчаянно ругала нерадивую дочь, ставила ее в угол и даже применяла ремень. Но вот парадокс – чем сильнее наказывали маленькую Веронику, тем хуже она училась. Странно, что до Олимпиады Николаевны, матери девочки, не дошла простая истина: дочь не хулиганит, она настолько боится заработать очередного «лебеда», что цепенеет от ужаса у доски. Получился замкнутый круг: Ника хватала двойки, потому что больше всего на свете не хотела их получать. Выучит она дома параграф наизусть, вызовет ее учительница, затрясутся у Ники ноги, и голова мигом превращается в решето.

Многие родители, желая детям добра, постоянно твердят: «Учись хорошо, иначе не поступишь в вуз, умрешь бомжом под забором». Или, еще хуже, пугают: «Если принесешь домой двойку, у мамы случится инфаркт». К сожалению, эф-

фект от данных заявлений бывает прямо противоположный ожидаемому, и Ника не являлась исключением.

Неизвестно, как бы события развивались дальше, но, когда Никуша перешла в третий класс, к ее родителям прибыла на постоянное жительство Грета, мать отца. Очевидно, она обладала острым умом – через пару недель разобралась в ситуации и подарила внучке игрушку, плюшевого тигренка.

– Солнышко, – сказала бабушка, – возьми себе Ларсика.

– Он очень старый, – невежливо заметила девочка, но Грета не обиделась.

– Верно, моя кошечка, – сказала она, – зато Ларсик – талисман. Твой дедушка Миклас привез его из командировки, купил в магазине и подарил мне. Ларсик никогда не расставался со мной, охранял меня во всех случаях, но теперь готов служить тебе. Посади Ларсика на тумбочку у кровати, никогда не выноси его из дома и знай: тигренок придет тебе на помощь. Прямо завтра ты почувствуешь его поддержку: как вызовет тебя учительница к доске, не пугайся, иди спокойно, повернись к классу лицом, а про себя скажи: «Ларсик! Сюда!»

– Хорошо, бабуля, – пообещала Ника.

О чудо! На следующий день в дневнике Терешкиной появилась вполне заслуженная пятерка. Ларсик чудесным образом подсказал ей выученное домашнее задание.

С тех пор Ника считала тигренка своим ангелом-хранителем, держала Ларсика на тумбочке у кровати. Трогать тиг-

ренка всем категорически запрещалось! Даже когда Ника выросла и сама стала матерью, своей дочке, маленькой Верочке, ни разу не дала повозиться с игрушкой. Ларсик не выносился из дома, даже пыль с него стряхивалась раз в году.

И вот сегодня на поминках, решив отдохнуть, Майя забрела в спальню подруги детства и не нашла там тигренка.

– Очень странное обстоятельство, – бубнила Филипенко. – Куда подевался Ларсик?

– Может, упал на пол? – предположила я.

– Нет, я осмотрела всю комнату.

– Вера знала, какую ценность представляла для матери игрушка?

– Конечно, – ответила Майя. – Правда, она посмеивалась над привычкой матери общаться с талисманом. Терешкина ведь каждое утро непременно здоровалась с Ларсиком, а вечером желала ему спокойной ночи. Кстати, в детстве Вера ненавидела тигренка.

– За что? – улыбнулась я. – Разве может плюшевая игрушка вызвать столь сильное чувство?

– Да, – вздохнула Майя, – Ника не разрешала Вере спать в своей кровати. Вернее, лет до трех дочка забиралась к маме, но потом Вася взбунтовался. Оно и понятно, мужу хочется к жене под теплый бочок, а местечко занято. О каком сексе может идти речь, когда рядом малышка сопит? Василий терпел, терпел, а потом устроил скандал, и Ника стала не разрешать Вере заходить в спальню родителей. Подлинную

причину этого запрета объяснить было нельзя, поэтому мать твердила девочке:

– Ты уже большая, надо спать одной!

Верочка сначала плакала, а затем заявила:

– Ты тоже большая, а спишь с папой.

Ника рассердилась, отшлепала капризницу и ушла на кухню готовить ужин. Минут через десять ее встревожила тишина в квартире. Все родители знают: если в доме вдруг становится тихо, а малыш не крутится под ногами, значит, он занимается очень увлекательным и скорей всего запрещенным делом. Ника пошла искать Веру и обнаружила дочь в своей спальне – крошка упоенно отдирала голову Ларсику.

– Немедленно прекрати! – заорала мать и выхватила из цепких рученок плюшевого уродца. – Не смей прикасаться к талисману!

– Я его убью, – угрюмо ответила Верочка. – Он с тобой спит, а мне нельзя...

– Детская ревность – страшная вещь, – признала я.

– Ника тогда наказала Веру, и больше девочка не делала попыток «обидеть» игрушку. Во всяком случае, Ника считала, что дочка подросла и проблема исчезла, но знаешь, один раз... Тогда был день рождения Терешкиной, и я пришла в сарафане, а к вечеру начался дождь. Короче говоря, замерзла я и попросила у подружки кофту, – продолжала Майя.

...Вероника, бегавшая по маршруту кухня – гостиная – кухня, велела:

– Возьми сама в моем шкафу любую одежду.

Майя отправилась в спальню Терешкиной, приоткрыла дверь и увидела Веру, которая стояла у кровати мамы.

– Ищешь что-то? – улыбнулась гостья.

– Нет, – огрызнулась Вера и убежала.

Майя покачала головой. Она успела заметить, чем занимался подросток – тринадцатилетняя Верочка со злостью щипала Ларсика. Очевидно, с годами недоброе отношение к талисману стало еще сильнее...

– И вот теперь Ларсик испарился. Это меня пугает, – закончила Филипенко.

– Почему? – зевнула я.

– Не знаю. Но уверена: талисман пропал неспроста!

И тут меня осенило.

– Ника прихватила оберег с собой на свидание с любовником.

– Маловероятно, – хмыкнула Филипенко. – Детский сад какой-то! Представь реакцию мужика: он ждет в номере любовницу, и тут она появляется с плюшевой игрушкой, водружает ее на стол и сообщает: «Познакомься с Ларсиком». Лично я на месте парня мигом бы смылась. Зачем общаться с психопаткой? Вокруг полно нормальных баб. И еще: Ника не выносила Ларсика из дома. Никогда! Не припомню такого случая. Она пару раз попадала в больницу: Веру рожала, и аппендицит у нее был, – но тигренок оставался в спальне на тумбочке. И где же он сейчас?

- Думаю, ты слишком много внимания уделяешь ерунде.
- Вилка, у тебя есть связи в милиции, ты пишешь детективы, твой бывший муж работает в МВД...
- И что?
- Попроси кого-нибудь поинтересоваться у арестованного Васи, не выбрасывал ли он Ларсика?
- Вот уж нелепая затея.
- Ну пожалуйста, разве тебе трудно? Мне отчего-то очень тревожно.

Я заколебалась. Майя права, я имею большое количество знакомых в различных милицейских подразделениях. Но все они являются приятелями Олега, а потому мне страшно не хочется к ним обращаться. И потом, какая разница, куда подевался плюшевый тигренок, если его хозяйка умерла?

– Понимаешь, – всхлипнула Майя, – мы же с детства дружили. Только в последнее время общались редко. Но ближе Ники у меня никого не было. И зачем только ей любовник понадобился! Так глупо получилось!

- Мысль сходить налево подбросила ей ты, – напомнила я.
- Нет, нет! Неправда! – возмутилась Майя. – С чего тебе эта глупость в башку взбрела? Мы с Никой, кстати, давно не встречались!

Я решила прекратить никчемный разговор.

- Ладно, попрошу кого-нибудь узнать о тигренке, но точно ничего не обещаю.
- Спасибо, – обрадовалась Майя. – Можно перезвонить

через час?

– Не стоит, лучше завтра, – процедила я.

Глава 6

К школьному зданию я примчалась за пять минут до звонка и обнаружила, что весь двор завален могучими деревьями. Между стволами бродил мужчина в спортивном костюме.

– Что случилось? – не утерпела я. – В Москве ночью бушевал ураган?

– Спокойно, мамаша, – прохрипел дядька и осторожно потрогал пальцем подбородок, на котором виднелся след от сильного ожога. – Все сделано для удобства вашего ребенка.

– Меня зовут Виола, – решила представиться я, прикидывая в уме, в каком месте лучше перелезть через бревно, – я временно работаю классной дамой в девятом «А».

– Лёня, – откликнулся собеседник, – я веду уроки физкультуры. Черт, болит!

– Как вы ухитрились обжечь подбородок? – спросила я.

– Рубашку гладил, – прозвучало в ответ, – об уют приложился.

– Лицом? – изумилась я. – Вот странно.

– Ничего удивительного, – закричал физкультурник, стараясь откатить в сторону толстенное бревно. – Вверх его поднял – а как иначе под воротником погладить? – ну и того, прижег кожу.

– Не надо низко наклоняться, – улыбнулась я, – лучше

отрегулировать гладильную доску по своему росту.

– Какая, на фиг, доска? – удивился мужик. – Сорочка на мне была.

– Вы решили гладить одежду, натянув ее на себя? – попятилась я.

– Я всегда так делаю, – кивнул Лёня, – это очень удобно.

– Вполне вероятно, – согласилась я, – во всяком случае, оригинально, я впервые слышу о таком способе. Ой, опаздываю! Где тут можно перелезть?

– Левее иди! – посоветовал физрук.

– Зачем только замечательные дубы погубили? – вырвалось у меня.

– В целях безопасности, – объявил Лёня. – Чтобы в случае штормового ветра их не повалило и не поубивало детей, гуляющих во дворе. Мы за них ответственны в радиусе двадцати метров от здания гимназии. А родители у каждого с деньгами, мало в случае неприятности никому не покажется.

Я остановилась, так и не перескочив через очередной ствол. Однако замечательно придумало местное начальство! Правда, поступили они нелогично. Предположим, неохватные дубы могут свалиться во время непогоды. А как насчет стекол? Их может выбить порыв ветра, осколки попадут на детей, поранят их. Или лестница со скользкими ступенями? Школьники могут упасть, сломать ноги. Или весь пролет рухнет из-за некачественного бетона. Далее – библиотека. Кажется, самое спокойное место на свете, а нет: возьмет

ученик книжку, начнет читать на ходу, налетит на стену, получит сотрясение мозга... До абсурда легко довести любую ситуацию, и мне очень жаль деревья, ставшие жертвой людской глупости.

В класс я вошла в тот момент, когда учительница, дама преклонного возраста, мрачно сказала:

– Все посмотрели туда, где я стою!

– Извините, – прошептала я и втиснулась за последнюю парту.

Тут же, распространяя запах дорогого одеколona, ко мне подсел Тима.

– Привет, – зашептал он.

– Доброе утро, – отозвалась я.

– Чего в нем хорошего?

– Кто-то сегодня умер, а ты жив, – оптимистично отбила я мяч.

– Ну да, – согласился Тима, – я не думал так. Смотри, прыщи проходят! А кролик такой прикольный – лучше всяких кошек. У мамы на них аллергия, поэтому взяли кроля.

– Кого? – удивилась я.

– Ты же посоветовала котенка купить. Забыла? – удивился паренек.

– Ах да! – вспомнила я. – Хватит болтать, лучше слушай учительницу. Кстати, это какой урок?

– Первый, еще шесть сидеть, – грустно протянул Тима.

– Я про предмет спрашиваю.

– Литра, – еще сильнее поскучнел он.

– Все, молчим, – приказала я и уставилась на училку.

– Итак, дети, – щебетала та, – давайте спросим себя, как нам придется на лесоповале с тачкой?

Интересный вопрос. Думаю, ответ на него однозначен. плохо всем будет! И зачем эта бабуля, похожая на раскрашенную мумию, задает его девятиклассникам? Кстати, уместно ли обращаться со словом «дети» к аудитории, состоящей из двухметровых парней, на могучих плечах которых трещат форменные пиджаки, и девушек, чьи необъятные бюсты туго обтягивают нарочито скромные блузки?

– Ну-ка, – вещала училка, – детки, поднимем правые руки! Внимание – именно правые! Тех, кто вытянул левые, спрашивать не стану. Андреев!

– Да? – лениво откликнулся Тима. – Чего?

– Почему не слушаешь?

– Че я сделал? Сижу тихо.

– А какую руку поднял?

– Ну... ту самую... нужную, – беззлобно ответил лодырь.

– Давай уточним имя.

– Чье?

– Руки, – топнула ногой училка. – Ну-ка, назови ее!

Я постаралась не рассмеяться. Бедная бабуля перепутала расписание, посмотрела не в ту графу и, похоже, полагает, что беседует с первоклассниками. Может, тактично сообщить ей об ошибке?

– Как зовут твою руку? – не успокаивалась преподавательница.

– Не знаю, – растерялся Тима. – Как-то до сих пор она без имени жила.

– Ай, ай, ай, деточка, нехорошо! Ну, не расстраивайся, сейчас тебе товарищи подскажут. Детки, Тимочка нуждается в вашей помощи. Давайте скажем хором, как зовут его ручку?

– Оглобля.

– Грабка.

– Клешня, – одновременно прозвучало в классе.

Старушка прижала к враз покрасневшим щекам маленькие, словно кукольные, ладошки.

– Попробуйте еще раз.

– Хваталка? – предположила блондиночка с первой парты.

– Типа пятерня, – заявил брюнет, сидевший в углу.

– Мочилка! – заорал юноша с лицом хитрого ангела.

– Костя! – подскочила бабуля. – Как? Мочилка? Но почему? Ну что за слово!

Я опустила взгляд в парту. Варианты «оглобля», «грабка», «клешня», «хваталка» и «типа пятерня» не вызвали у педагога изумления, ее насторожила лишь «мочилка».

– Очень просто, – охотно пояснил Костя. – Чем людей мочат? Руками.

– В принципе, ты прав, – заулыбалась учительница. – Че-

ловека купают в реке или море при помощи рук, но...

Школьники довольно захихикали.

– Варвара Михайловна, – снисходительно перебил даму Костя, – я не про воду говорил. Мочить – это значит прихлопнуть.

– Хлопнуть? – распахнула наивные голубые глаза Варвара Михайловна. – Деточка, ты путаешь глаголы. Подойди ко мне после занятий, составим словарик.

– Прихлопнуть, кокнуть, ваще прибить на хрен, – принялся загибать пальцы Костик.

– Ой, ой, ой! – замахала ручонками литераторша. – Я совершенно не приемлю современной речи. Невозможный язык. Давайте учиться говорить красиво. Временно откладываем вопрос про руку Тимы и разыграем сценку. Костя, Маша, идите к доске.

Юноша встал. На запястье у него болтались дорогие часы, галстук придерживала заколка со сверкающими камнями. Девочка выглядела не хуже, она тоже не обошлась без драгоценностей – они сверкали везде: в ушах, на пальцах, шее и даже на поясе, подчеркивавшем тонкую талию.

– Отлично, – сказала Варвара Михайловна. – Костя, ты случайно встретил Машу, она тебе нравится, хочешь позвать ее в кино. Ну, что ты ей скажешь?

– Она мне ваще никак, – скривился Костя, – типа пошла на фиг. Жирная и тупая!

– На себя глянь! – не осталась в долгу Маша. – Лучше

жабу съесть, чем с Костяном по стриту рассекать. Нашелся, блин, сын всех обезьян!

Класс заржал.

– Дети, дети! – заметалась у первого ряда столов литераторша. – Это же как в театре! Думаете, актеры, изображающие Ромео и Джульетту на подмостках, обожают друг друга в реальной жизни?

– В реале нет, – признал Костя. – А че, пятерку поставите за хохму?

– Непременно, – пообещала училка. – Начинайте.

– Суперски! – пришла в восторг Маша. – Привет, Костян.

– Ну, че? – попытался изобразить улыбку юноша.

– Ваще, дела ниче?

– Ниче.

– А ваще как?

– Ваще супер.

– Типа в кино не того?

– А ваще там че?

– Ну... да мне по фигу че! Подорвались!

– Стоп! – подпрыгнула Варвара Михайловна. – Секундочку! Это же нечеловеческая речь.

– А чейная? – хором спросили Маша с Костей.

– Обезьянья! – запальчиво сказала литераторша. – Так нельзя. Повторяйте за мной. «Добрый день, Машенька! Как твои дела. Спасибо, Костик, не жалею на жизнь. Дорогая Маша, я очень хочу пригласить тебя в кино. Как ты ду-

маешь, родители разрешат тебе пойти на фильм „Война и мир“? Огромное спасибо, Костя, сейчас я спрошу у мамы». Вот так выглядит разговор двух хорошо воспитанных школьников.

– Кондово! – заржал Тима. – А че с моей рукой? Не понял прикола с ее именем.

– Тимофей, – укоризненно покачала головой Варвара Михайловна, – это же очень просто. Ручки называются правая и левая. Когда учитель задает вопрос, воспитанный школьник всегда тянет ту, которой пишет, а ты поднял другую.

– Дура, – прошипела девушка, сидевшая через проход от меня.

Я глянула в ее сторону, и она моментально сорвала с головы широкий обруч – темные завитые пряди упали вперед и скрыли от меня лицо девочки.

– Неужели до сих пор ты не научился находить нужную ручку? – надрывалась Варвара Михайловна. – Ай, ай, ай... Сейчас объясню. Положи ладони на парту!

Тимофей неожиданно послушался.

– Смотри, – возбудилась старушка, – правая рука – это та, у которой большой палец слева. И вся премудрость.

Я не удержалась и хихикнула, Тима ошалело рассматривал свои ладони.

– Сука, – прошипели сбоку.

Я резко повернула голову. Ничего не произошло, темные волосы грубиянки надежно скрывали ее лицо.

– Ваще офигеваю! – простонал Тима. – Правая та, где палец слева, а левая...

– С пальцем справа, – захлопала в ладоши Варвара Михайловна. – Правда, здорово? В природе все продумано.

Прозвучал звонок, школьники разом вскочили и ринулись к двери.

– Деточки, погодите! – заволновалась Варвара Михайловна. – А домашнее задание?

– Может, не надо? – попросил Костя, оборачиваясь.

– Хорошо, – неконфликтно согласилась училка. – Погода прекрасная, лучше в парк сходите, покатайтесь на саночках.

Учитывая, что за окном вовсю цветет май, предложение воспользоваться санками звучало дико.

– Но не забудьте повторить пройденную сегодня во время урока тему, – занервничала, осознав собственный промах, Варвара Михайловна. – Николай Васильевич Гоголь, «Мертвые души»...

Вместе с галдящими детьми я выпала из кабинета и запоздало изумилась. Надо же, оказывается, девятиклассники сегодня изучали бессмертное творение великого писателя! А мне показалось, что они занимались всякой ерундой.

Идти в учительскую не хотелось. Посмотрев на часы, я отошла в самый дальний угол коридора, где виднелся выход на аварийную лестницу, вытащила мобильный и набрала хорошо знакомый номер.

– Селиванов! – грянуло из трубки.

– Витенька, привет, – обрадовалась я тому, что мой знакомый находится на рабочем месте.

– Это кто? – слегка сбавил тон приятель.

– Вилка.

– А! И чего тебе надо? – весьма нелюбезно поинтересовался тот, кто провел в свое время на нашей кухне не один час.

– Сделай одолжение, помоги! Есть такой человек, Василий Ярцев, он убил свою жену, Веронику Терешкину...

– Нет! – резко перебил меня Витя.

– Что «нет»? – удивилась я.

– Все, – сурово ответил Селиванов. – Забудь мой телефон. Навсегда! Мне без разницы, кто из вас кого бросил, но я работаю с Олегом не один год и...

Я быстро нажала на красную кнопку. Понятно. Когда расходишься с мужем, прежние приятели тоже делятся на две части. Селиванов теперь в лагере Куприна, и никакой обиды на Витьку я не держу – так фишка легла. Вопрос в другом: к кому мне обратиться? Если Витя столь нервно отреагировал на мой звонок, то, вероятно, и остальные выплеснут негатив.

Тягостные размышления прервала дрожь мобильного, не посмотрев на дисплей, я ответила:

– Алло.

– Доброе утро, – произнес до отвращения знакомый голос. – Это Олег, так сказать, твой экс-супруг. Узнала?

– Естественно, – стараясь казаться равнодушной, ответи-

ла я. Было бы странно сказать иное.

– У тебя проблемы? – поинтересовался Олег.

– Нет.

– Да? А у Селиванова сложилось иное мнение.

Я обозлилась на Витьку. Вот мерзавец! Сначала послал меня, а сам незамедлительно доложил начальству о своем патриотическом поступке. Лизоблюд и подхалим! Ему наплевать на годы дружбы, он хочет выслужиться перед своим шефом – Куприным.

– Меня вчера назначили большим начальником, – вдруг заявил Олег.

– Поздравляю, желаю удачи! – быстро отреагировала я. – Извини, я тороплюсь, опаздываю...

– Тебя интересует дело Василия Ярцева?

Ну, Селиванов, погоди, столкнемся когда-нибудь на узкой дорожке!

– Могу помочь, – предложил Олег. – Напоминаю, я теперь шишка.

– Спасибо, но я привыкла обходиться собственными силами. Прости, спешу.

– Нам обязательно становиться врагами? – тихо спросил бывший муж.

– Разбежавшиеся супруги редко мирно пьют чай на общей кухне, – не удержалась я.

– Ты все еще обижаешься на меня? Могу в сто первый раз повторить: я сваял дурака. Кстати, твоя последняя книга

просто замечательная, – начал откровенно вилять хвостом Куприн.

– Слово «последняя», примененное к произведению писателя, всегда его раздражает. И с какой поры ты увлекся детективами? – съязвила я. – Да еще не крутыми мужскими историями, а глупыми бабскими поделками?

– Я сказал Селиванову, что все просьбы Вилки следует выполнять на раз-два, – отчеканил Олег, – что, обижая тебя, он оскорбляет меня.

Ну надо же! Оказывается, развод способен изменить мужчину в лучшую сторону.

– Так что с Ярцевым? – поторопил меня Куприн.

– Ты можешь с ним побеседовать? – сдалась я. В конце концов, вовсе не стыдно принять помощь от бывшего мужа.

– Легко, – заверил Олег.

– Спроси его: где Ларсик?

– Это кто?

– Василий в курсе.

– Ну... ладно, – согласился Куприн, и я снова удивилась его поведению.

Произожди подобный разговор год назад, муж бы так легко не сдался, устроил бы мне допрос с применением пыток и выжал из меня всю информацию.

– Позвоню, когда выясню, – добавил Олег.

– Буду очень благодарна.

– Право, не стоит.

– Нет, нет, ты потратишь свое время.

– Ничего страшного, я абсолютно свободен.

– До свиданья, еще раз огромное спасибо.

– Непременно звякну в ближайшие часы, нет необходимости меня благодарить, женщине следует помогать.

Я сунула мобильный в карман. Черт возьми, мы с Олегом сейчас разыграли сцену, сильно смахивающую на ту, которую Варвара Михайловна репетировала с Костей и Машей. Литераторша бы одобрила бывших супругов – вежливые, ласковые, точь-в-точь медовые пряники с начинкой из сгущенки, покрытые толстым-толстым слоем шоколада с сахарной глазурью! Вы способны слопать медовый пряник с начинкой из сгущенки, да еще покрытый толстым слоем шоколада с глазурью? Я нет. Меня уже от одного названия тошнит. «Не следовало обращаться к Олегу, – начала я себя корить. – Вилка, ты кретинка!»

Внезапно с черной лестницы послышался сдавленный кашель. Я толкнула дверь и увидела ту самую брюнеточку, которая шептала «дура» и прочее во время урока литературы. Сейчас девушка снова собрала волосы, в правой руке она держала зажженную сигарету.

– Курить нехорошо, – сказала я.

– Да пошла ты, – еле слышно ответила школьница и шмыгнула носом.

Я оглядела тоненькую фигурку. Похоже, девица сильно нервничает, вон как у нее трясутся руки. И вроде она недав-

но плакала: нос красный, глаза опухли.

– Зажигалка есть? – спросила я.

– А те зачем? – агрессивно поинтересовалась девушка.

– Да вот, прикурить хочу!

– Значит, мне вредно, а тебе можно?

– Ага, – весело ответила я. – Таковы взрослые! Внушают младшему поколению некие правила, а сами их никогда не соблюдают. Дедовщина еще похуже, чем в армии. Но ты не расстраивайся, лет через двадцать сама такой станешь. Кстати, в школе лучше не дергать учителей за усы. Изображай панинку, кивай преподам, улыбайся и сиди смирно. Тогда никаких проблем не будет.

– Не хочу их слушать! – топнула брюнеточка. – Гоблины!

– Дурочка, – усмехнулась я. – Про мимирию слышала?

– Чего? – напряглась она.

– Мимикрия – умение живого существа изменять свой внешний вид. Допустим, гусеница прикидывается веткой, чтобы ее не сожрала птица. Вот так и в школе – нужно изображать конфетку. Выйдешь за ворота и живи, как хочешь.

– Не желаю под них подделываться! Не доставлю им такого удовольствия!

– Так ведь это ради тебя самой, – засмеялась я. – Лицемерие – замечательное качество, овладеешь им и прослывешь лучшей.

– Гадость!

– Скажи, как удобнее есть мясо? Резать на кусочки или

откусывать?

– Ну... зубами легче.

– Но ты пользуешься ножом. Значит, лицемеришь.

– Прикольно, – вдруг улыбнулась девушка. – А ты ничего!

Меня зовут Валентина Красноносова. Правда, жуть?

– Мне достался более экстремальный вариант, – ухмыльнулась я. – Разреши представиться – Виола Тараканова.

Глава 7

– Вау! – подпрыгнула Валя. – Я думала, хуже фамилии «Красноносова» не бывает. Моя мама до свадьбы была Белоноговой. Тоже не суперски. И она ниче не знала про то, какая у ее жениха Семена фамилия. Вот смехотища вышла, когда регистраторша в загсе спросила: «Невеста станет Красноносовой или останется Белоноговой?»

– Виола Тараканова – полный кошмар, – подхватила я нить беседы. – Начнем с того, что народ совершенно не способен запомнить мое имя и называет меня Виолеттой, Виолиной, Вероникой, Виталиной и так далее, кто во что горазд. Но, знаешь, я давно поняла простую истину: никогда не следует считать себя самой несчастной, всегда найдется тот, кому еще хуже.

– Ну это навряд ли, – грустно ответила Валя.

– У тебя неприятности?

– Нет! – вскинула голову Валя. – Ни одной самой завалыщенькой, живу шоколадно!

– Ладно, – кивнула я. – Знаешь, есть на свете девушка твоего возраста, сирота без матери, живущая в грязной квартире, где самой дорогой и любимой вещью является черно-белый телевизор. Хорошей одежды у бедняжки нет, питается она картошкой без масла, зарабатывает на жизнь продажей собственного тела, больна СПИДом. Скажи честно, кому ху-

же? Тебе или ей?

Валя чуть не проглотила жвачку, потом пролепетала:

– Ну, проститутке!

– Вот видишь, – сказала я. – Все зависит от точки отсчета.

По сравнению с одноклассниками ты...

– Да че вы знаете! – горестно воскликнула Валя. – Они ж все богатые. Знаете, сколько тут год обучения стоит? И на шмотки их посмотрите. Машку видели? Ну ту, что у доски стояла?

Я кивнула.

– Вся в брюликах! – с отчаянием воскликнула Валя. – Блестит и переливается! Везде! Даже на ремне!

– Это цитрины, – улыбнулась я.

– Что? – осеклась собеседница.

– Есть такие камушки. Они очень похожи на бриллианты, но намного дешевле. Издали трудно отличить одни от других.

– Откуда ты знаешь? – фыркнула Валя.

Девушка, очевидно, плохо понимала, как вести себя с незнакомой женщиной, называла меня то на «вы», то на «ты».

– В жизни очень полезно уметь логично мыслить, – ответила я. – Скажем, вопрос о бриллиантах Маши. Ладно, пусть в ушах у нее дорогие подвески, но на ремне! Видела здоровенный «кирпич», торчащий из пряжки?

– Да, – чуть не заплакала Валентина.

– Вот он – точно имитация, даже к цитринам не имеет отношения, просто стекляшка.

– Почему? – насторожилась школьница.

– Я уже говорила об умении логично мыслить. Бриллианты – очень дорогое удовольствие, в мире известна всего пара камней размером с голубиное яйцо, они содержатся в спецхранилищах, допустим, в российском Алмазном фонде. Обладай семья Маши таким богатством, отец бы не разрешил дочери приносить реликвию в школу. Значит, на талии у нее подделка! Тебе полегчало?

– Ну... не очень, – нехотя ответила Валя. – Меня загнали в угол, ждут, пока я из окна выпрыгну.

– Кто? – изумилась я.

– Да все!

– Так не бывает. Определенно есть люди, хорошо к тебе относящиеся.

– Нет! Нет! Меня ненавидят все!

– Тогда, прости, конечно, но ты сама виновата.

Внезапно Валя села на ступеньку и закрыла лицо руками.

– Знаешь, кто я? – глухо спросила она. – Налоговая льгота.

– Извини, не поняла, – ответила я, устраиваясь около девушки.

Валя раздвинула пальцы и глянула на меня.

– Ничего хитрого. Если хозяева учебного заведения занимаются благотворительностью – берут бесплатно парочку нищих, то государство в поборах им послабление делает. Я

здесь из милости, меня мать пристроила. Дура! Ничего не понимает! Объясняю ей: все надо мной тут издеваются. Вернее, нет. В младших-то классах мне клей в кроссовки наливали, а теперь просто не замечают, на тусовки не зовут, в компании не приглашают. Учителя еще хуже – чуть что, все на Красноносону валят. В гардеробе какая-то дрянь повандилась из карманов деньги таскать, так все уверены: это моих рук дело.

– Но это не ты? – уточнила я.

– Нет! – вскинула голову Валентина. – Только на кого еще подумать? Все же здесь богатенькие, с кредитками. Как вы там советовали? Мыслить логично? Если мозгами пораскинуть, получается, я единственная в нашем классе, кому бабки нужны. И че делать?

– Надо поймать вора, – посоветовала я. – Схватишь его за руку и отмоешь свое имя от грязи.

– Ага! Невозможно это!

– Никогда не говори «никогда»! – предостерегла я. – Давай спустимся в раздевалку и изучим обстановку.

– Вот ты где! – вышел на лестницу Тима. – Че тут делаешь?

– С Валеёй беседую, – улыбнулась я, – проблему ее решаем.

– Ерунда! Вот у меня задача! – отмахнулся от чужих бед Тимофей. – У тети день рождения, подарок нужен. Мне ваще башку свинтило – че ей купить?

– Нашел трудность! – подала голос Валентина. – Ступай в

любой торговый центр и потроши отделы: парфюмерия, посуда, ювелирка. С твоими деньгами тебе все по карману.

Лицо Тимы приняло презрительное выражение.

– Че? Ну, Красноносова, ты убогая. У тети Оли всего под потолок! На хрена ей сто пятьдесят восьмые духи или тысячные часы? Неинтересно!

Валя покраснела и отвернулась к стене.

– Тетя что-нибудь коллекционирует? – спросила я.

– Ага, – кивнул Тима, – кошек. У нее их три штуки, в смысле живых, а еще статуэтки, картины, подушки.

– Ну, я пошла! – вскочила Валентина. – Чао вам! Не хочу мешать чужой беседе.

Я проводила девочку взглядом. Жаль, Тимофей помешал нашему разговору, Вале явно не по себе.

– Так че купить? – пристал ко мне недоросль.

И тут меня осенило.

– Картину «Три богатыря» знаешь? Алеша Попович, Добрыня Никитич и Илья Муромец на конях.

– Видел такую, – кивнул Тима. – И че?

– Компьютером владеешь?

– Легко.

– Езжай в Третьяковскую галерею, там есть ларек с постерами. Возьми «Три богатыря» и на компьютере сделай коллаж: убери лица и руки богатырей, а на их место вставь кошачьи морды и лапы. Тетя точно придет в восторг. Такого прикола ни у кого не будет!

– Вау! – подскочил парень. – Круто! Ща порулю. Какой магазин? Ну, где картинку можно купить. Чья галерея?

– Ты никогда не бывал в Третьяковке?

– Разве в Москве все бутики обойдешь? – меланхоличноотреагировал Тимофей. – Да и не люблю я среди шмоток таскаться. Ты ща про Третьяковский проезд² говоришь?

Я вынула из пачки новую сигарету (после развода стала много курить, надо, пожалуй, бросить). Внезапно вспомнилось, как полгода назад, занимаясь одним запутанным делом, попала в Большой театр на канонический балет «Лебединое озеро». В зале сидело много детей, и один из юных зрителей, увидав на сцене злодея в черном костюме, радостно закричал: «Мама! Бэтмен прилетел!» Присутствующие захохотали. Малышу было на вид годков шесть, и потому его слова не вызвали у меня горестного вздоха, он еще успеет познакомиться с классикой. Но Тима!

– Тебе сколько лет? – не утерпела я.

– Пятнадцать, а че?

– Третьяковская галерея находится в Лаврушинском переулке. Сходи, тебе понравится, там интересная экспозиция.

– Ща понесусь за богатырями!

– погоди! Говоришь, прыщи проходят? – остановила я юношу.

– Да! Супер! Спасибо!

² Третьяковский проезд, улочка, на которой расположены самые дорогие магазины Москвы. Прим. автора.

– Но я вижу парочку новых.

– Где? – испугался Тима.

– На левой щеке.

– Еще утром ничего не было. Вот блин! Почему они снова вылезают?

– Помнишь, я предупреждала тебя, что нужно совершать добрые поступки? – прищурилась я. – Заботиться, допустим, о животном.

– Я кролика купил, – насупился Тима, – сам клетку чищу.

– Значит, длинноухого мало, его приобретение помогло тебе ненадолго.

– И че? За вторым гнать? – занервничал Тимофей. – Кроличья ферма получится, отец обозлится.

– Можно помогать людям.

– Ну ваще! Это кому же?

– Например, Вале.

– Красноносовой?

– Да.

– Никогда!

– Почему?

– Она противная, – отрезал Тима. – Ни с кем не разговаривает, а если рот разинет, то гадости вываливает.

– У твоей одноклассницы беда!

– Какая? – заинтересовался Тимофей.

Я изложила историю про воровство в гардеробе и завершила рассказ фразой:

– Думаю, если ты сумеешь оправдать Валью, высыпания на коже прекратятся навсегда.

– Угу, – кивнул юноша. – Так я пошел?

– Да, уже пора на урок, – кивнула я.

– Не, хватит занятий, – отрезал Тима, – я за картиной.

– Нельзя пропускать учебу!

– Можно.

– Потом экзамены не сдашь!

– Ха! – подскочил Тимофей. Приблизил ко мне лицо и шепнул: – Хочешь, секрет открою? Вся гимназия, вместе с учителями, принадлежит моему отцу. Прикольно будет, если они мне на экзаменах двоек насуют. На помойке враз окажутся!

– На твоём месте я, наоборот, попыталась бы стать лучшей.

– Охота ломаться!

Мы ещё поспорили некоторое время, и Тима, победив меня на всех фронтах, то есть отказавшись слушать мои правильные речи, убежал, а я, потерпев педагогическое Ватерлоо, отправилась в местный буфет, решив подкрепиться кофе и булочками. В конце концов, я не нанималась сюда на постоянную работу, просто оказываю завучу Ирине Сергеевне дружескую услугу, а она просила меня сидеть на уроках при Тимофее. Сейчас он собрался прогулять занятия, значит, и я могу считать себя свободной. Кстати, я отлично понимаю, по какой причине Тима удирает с уроков. Если все педагоги

тут такие, как физрук и литераторша Варвара Михайловна, то нужно пожалеть учащихся. Вот капучино в местной столовой выше всяких похвал, а сдоба просто тает во рту.

Через полчаса я спустилась в раздевалку и пошла между рядами вешалок, разыскивая свою куртку. Несмотря на погожую погоду, основная масса учащихся и преподавателей еще ходила в пальто или плащах, поэтому гардероб был полон разномастной одежды.

Не успела я приблизиться к своей куртке, как в кармане задрожал мобильный. Я вытащила аппарат и услышала голос Куприна.

– Вилка, в отношении твоего вопроса...

– Узнал? – обрадовалась я. – Ну и что? Где Ларсик?

– Извини, тут... в общем...

– Василий не стал рассказывать про Ларсика?

Куприн крякнул и выдавил из себя:

– Дело дурацкое.

– Может, это и так, – рассердилась я, – но Ника Терешкина была моей подругой, она погибла страшной смертью, и...

– Василий умер, – перебил меня Олег. – Сердечный приступ, скончался в камере.

– Бред! – закричала я. – У вас разве в СИЗО врачей нет? Почему Ярцеву не оказали помощь?

– Сама знаешь, – без всякого раздражения стал объяснять Олег, – пока сокамерники шумнули, пока надзиратель пришел, пока в медпункт сообщил, пока оттуда врачи припле-

лись, пока... Да и что у местного врача есть! Он же не кардиолог с необходимой аппаратурой. Когда мы с тобой в первый раз разговаривали, Василий уже мертвый лежал.

– Он точно умер естественной смертью?

– А как иначе?

– Ой, хватит! – вскипела я. – Будто ты не в курсе, что за решеткой с людьми случается!

– Ярцев сидел в маломерке, с ним еще трое – приличные люди, экономические преступления. Один банкир, другой – махинатор с кредитными карточками и третий – сотрудник почты. Никаких мокрушников, первоходки без зоновских привычек, – вздохнул Олег.

– Почему же Ярцев в их компанию попал? – удивилась я. – Он-то считался жестоким убийцей.

– Ну да... – с некоторым сомнением протянул Куприн, – был взят у тела.

– Ничего себе! – вырвалось у меня.

– Ты подробности знаешь? – оживился муж.

– В общих чертах.

– Каких?

– Он лишил Нику жизни из ревности. Нашел дома газету с подчеркнутым объявлением и понесся в гостиницу, – повторила я слова Майи.

– Сейчас расскажу... – засуетился Олег, явно желая подольстится к бывшей жене.

Портье из отеля позвонила в милицию. Женщина была

очень напугана, сообщила, что в холл гостиницы ворвался всклокоченный мужик, сунул ей под нос фото и рявкнул:

– В каком номере баба? Живо говори, а то зарежу!

На случай нападения у портье под столом предусмотрительна аварийная кнопка. Дежурившая в тот день администратор Галина Киселева никогда не пользовалась сигнализацией, и у нее от страха голова пошла кругом.

– Не помню, – проблеяла она, – не видела ее.

Мужик вынул из пакета молоток и стукнул им по стойке.

– Ой! – подлетела над стулом Киселева. – Комната двадцать восемь.

Дядька бросился к лестнице.

– Сейчас ей, суке, мало не покажется! – вопил он, размахивая молотком. – Убью к чертям собачьим!

Перед Киселевой стояли два телефонных аппарата: местная и городская связь. Трезвомыслящий человек позвонил бы в двадцать восьмой номер и сказал клиентке:

– Скорее убегайте, к вам несется разгневанный супруг.

Но Галина только ойкала, а потом набрала «02» и заорала:

– Убили! Постоялицу!

Василию в тот день очень не повезло, возмездие настигло его сразу. Не успел он изуродовать бедную Нику, как в спальню влетели парни в форме и схватили преступника, так сказать, тепленьким. Никаких сомнений у милиционеров не возникло. Муж узнал об измене жены – железный мотив. Состояние аффекта отпадало: если человек временно лишается

разума, он хватает то, что видит на месте преступления: стул, сковородку, вилку, бутылку... а Василий принес молоток с собой, что свидетельствовало о преступном умысле, заранее спланированном действии. На ручке орудия убийства имелись отпечатки пальцев Ярцева и никаких других, Василий стоял на коленях около мертвой жены, весь перемазанный кровью. Стопроцентные улики.

– Убедительно, – прошептала я.

Глава 8

Ярцева задержали и допросили. Василий выдал собственную версию случившегося. Он домой не заходил, газеты не видел, сидел на работе, потом решил сходить в кино. Один, надумал развеяться. Но когда стоял возле кассы в кинотеатре, у него зазвонил мобильный. Глухой – то ли женский, то ли мужской – голос заявил:

– Твоя жена в гостинице «Оноре», запомни адрес. С любовником! Хотят уехать потом из Москвы, у них при себе чемодан с деньгами, которые Ника украла у семьи. Проверь, если сомневаешься!

Муж кинулся в отель, влетел в номер, увидел на полу изуродованное тело, на лице убитой лежал молоток. Ноги у Ярцева подкосились, он сел на пол и поднял инструмент. Естественно, Василий испачкался, кровь там была повсюду. И тут примчалась милиция.

– Не очень оригинальная версия, – отметила я. – А фото Ники откуда взялось?

– Сказал, что всегда носил его в кошельке. Романтичный очень!

– А молоток? Тоже из любви при себе имел?

– По поводу орудия убийства Ярцев сообщил: у его машины взломали багажник, пропал чемоданчик с инструментами.

– Ловко!

– Повторяю: войдя в номер, Вася увидел, что на лице убитой лежит его молоток из того самого исчезнувшего набора.

– На мой взгляд, все молотки одинаковые.

– Ну это ты зря, – хмыкнул Олег. – Хозяин свои инструменты труда всегда отличит. Тем более что Ярцев намотал на рукоятку розовую изоленту и написал на ней свою фамилию.

– Жаль, что убийца не указал там же адрес по прописке, телефон и ИНН! А еще, дабы упростить работу криминалистов, следовало держать в борсетке анализ на ДНК и токсины! – взвилась я.

– Ярцев свою вину отрицал. Полностью. Его временно оставили в покое, поместили в камеру и не вызывали на допрос.

– Почему? – удивилась я.

– Иногда человека лучше не тревожить, – пояснил Куприн. – Пусть посидит, подумает, созреет. Еще хотели провести очную ставку между Галиной Киселевой и Василием, но процедуру отложили, администратор взяла бюллетень.

– И вы особо не торопились.

– В производстве много дел, ярцевское дело ясное, можно было притормозить, – без раздражения ответил Олег.

– А теперь что?

– Закроют дело и в архив сдадут в связи со смертью основного подозреваемого.

– Ясно... – протянула я. – Ты же, наверное, уже бумаги

перед собой положил?

– Точно, – засмеялся Олег.

– Окажи мне еще одну услугу.

– Для тебя любую.

– Прочти описание вещей покойной.

– Секундочку, ага, вот. Туфли черные на каблуке, украшенные стразами, майка шелковая темно-зеленого цвета на завязках, юбка короткая, оранжевая, без карманов, с поясом, лифчик прозрачный, размер восемьдесят-С, застежка спереди, трусы сильновырезанные, задняя часть в виде ленты с блестящими камушками предположительно искусственного происхождения...

Я невольно улыбнулась. Милицейские протоколы – отдельная песня, в них можно встретить такие перлы! «Майка шелковая» – это топик, а «трусы сильновырезанные» скорее всего стринги.

– Чулки фиолетовые, с подвязками, на правом несколько дырок... – продолжал Олег.

Вот вам еще одна милицейская загадка: каким образом они узнали, какой чулок правый, а какой левый? Они же одинаковые!

– Сумка небольшая, в ней два презерватива в ненарушенной упаковке, помада фирмы «Шанель» номер сто двенадцать, цвет у нее, как у пожарной машины, пудра в коробочке...

– Спасибо, хватит. Скажи, там не указан Ларсик?

– Кто? – изумился Олег.

– Ой, прости, – опомнилась я, – плюшевый тигренок, потерявший от старости товарный вид.

– Нет, ничего похожего. А почему ты интересуешься?

– Жаль, – вздохнула я, проигнорировав вопрос Олега.

– Я сумел тебе помочь?

– Да, да, конечно, до свидания.

– Погоди! Есть одна интересная деталь.

– А именно?

– Ника в тот день дважды вступала в интимную связь, это установили при вскрытии.

– Никогда не считала Терешкину очень сексуальной, да, видно, ошибалась, – пробормотала я.

– Причем фатально, – обрадовался невесть чему Куприн. – Мужики разные.

– Которые? – вздрогнула я.

– Любовники Терешкиной.

– Ты ничего не путаешь?

– Нет, наша лаборатория не ошибается. Два вида ДНК, ни один не принадлежит мужу.

– Не верю своим ушам! У Ники было два любовника?

– Ну, по крайней мере парочка парней порезвилась с ней. Да, кстати, убитая лечила гонореей, но до конца от нее избавиться не успела.

– Врешь!

– Нет, конечно. Этот факт тоже отражен в бумаге из ла-

боратории.

– Но Ника – примерная жена и мать! Я знаю Терешкину не один день.

– Ты с ней давно общаешься, но вот хорошо ли знакома с хорошей знакомой? Извини за тавтологию, но иначе не скажешь! – воскликнул Олег.

– Я понимаю, что ты не шутишь, но трудно поверить всему вышесказанному, – попыталась я прийти в себя.

– Чем сложнее загадка, тем проще отгадка.

– Думаю, данное утверждение не совсем верно, – решила я поспорить.

Бывший супруг засмеялся.

– У меня для тебя есть замечательная история, детективная, заодно проверю, способна ли ты делать правильные выводы, складывать целую картину из полученных фактов.

– Это тест на профпригодность детектива?

– Да нет, – отмахнулся Олег, – всего лишь забавная загадка. Есть такой город Петербург, слышала про него?

Я усмехнулась:

– Немного.

– Около Питера имеется отель, в котором каждый месяц происходит убийство.

Я вздрогнула:

– Что? Регулярно?

– Примерно раз в тридцать дней, вот уже на протяжении нескольких лет, – закивал Олег.

– И гостиница до сих пор не разорилась? – изумилась я.

– Нет, наоборот, процветает, – радостно пояснил мой бывший. – Клиенты толпами съезжаются.

– Слышала, что многих людей привлекают происшествия и несчастные случаи, – вздохнула я.

– Верно, – не стал спорить Олег, – если на дороге авария, куча идиотов остановится поглазеть. Но сейчас речь не об этом. Итак! В гостинице постоянно случаются убийства, причем погибает один из постояльцев. Приезжает милиция, затевается следствие. Причем ребята в форме великолепно знают, что в ситуации замешан владелец отеля, но его не трогают. Более того, в гостинице в день убийства даже не отменяют вечерние шоу-программы. Ужасная бессердечность.

– Бизнес есть бизнес, – пожала я плечами, – думаю, владелец отеля скрывает от гостей криминальное происшествие, чтобы не напугать проживающих.

– Вовсе нет, – потер руки Олег, – с точностью до наоборот. Милиция открыто ходит по этажам, опрашивает людей. Хозяин во всеуслышанье объявляет: кто сумеет найти нужные улики или знает имя убийцы, тому премия – счета за отель аннулируют, в ресторане будут кормить бесплатно.

– Оригинально, – пробормотала я.

– Самое интересное впереди, – пообещал Олег, – через день преступника находят. Иногда его имя сообщает милиция, порой до истины докапывается кто-то из клиентов. Но! Злодея или злодейку не арестовывают, его отпускают с ми-

ром. А через месяц в отеле новый труп! Так почему хозяина гостиницы и убийцу не наказывают?

– Не знаю, – растерянно сказала я.

– А ты подумай, – засмеялся Олег, – и помни мои слова: чем сложнее вопрос, тем проще ответ.

– Непременно, – прошептала я, но все мои мысли в этот момент были о Терешкиной.

У Ники два любовника и плохо залеченная гонорея?! Между прочим, она иногда приходила ко мне, пользовалась туалетом, один раз принимала душ...

– Если чего понадобится, звони, – радушно предложил Куприн и отсоединился.

Я сунула мобильный в карман. Вот уж дела так дела! И что меня насторожило в сведениях, сообщенных бывшим мужем...

Но не успели мысли выстроиться по порядку, как висевшее рядом пальто вдруг подняло рукава и обняло меня.

– А-а-а-а! – завизжала я. – Спасите! Оно живое!

Послышалось хихиканье, полы пальто приоткрылись, и я увидела... Валю.

– Ты что тут делаешь? – налетела я на нее. – Напугала до потери сознания!

– Тима придумал, как вора поймать, – хитро улыбнулась Красноносова. – Он молодец! Смотри, карманник орудует только в этом ряду. Здесь места старшеклассников и учителей. К другим вешалкам ходить без мазы: мелким родители

только на жвачку дают. А у взрослых хорошие суммы можно стырить. Я маленькая, худенькая, нашла большое пальто, всунула руки в рукава, голову наклонила и подвесилась. Издали ваще не заметно! Вор попрет, мы его и сцапаем. Верно, Тим?

– Ага! – прозвучало издали.

– Тимофей тоже в пальто висит? – уточнила я.

– Не, он в шинели пристроился, – сообщила Валя. – Наш охранник утром в армии служит, а после обеда его отпускают и он в школу приходит.

– Очень интересная служба, – поразилась я.

Валя быстро оглянулась по сторонам и шепотом сказала:

– Ты сейчас с кем-то про Терешкину болтала. Это наша бывшая классная дама?

– Некрасиво подслушивать!

– Если хочешь сохранить секреты, не ори о них вслух, – резонно заметила Валентина. – Она была твоя подруга?

– Да, – после небольшого колебания ответила я.

– Ну ваще! – зашипела Валентина. – У нее мужик – супер! Джеймс Бонд! Сама крыса, а он нормальный, на крутой тачке ездит.

– Ты ничего не путаешь? – поразилась я.

Валя чихнула.

– Нет, я видела их в кондитерской, у метро.

– Давно?

– Нет, когда у нас контрольную по матишу давали... э...

две недели назад.

– А ну Расскажи!

Валентина выбралась из чужого пальто и встряхнулась, словно мокрая кошка.

– В кафе окна большие, типа витрины. Я в метро шла около часа дня.

– Занятия так рано закончились?

– Нет, я сбежала. Надоело париться.

– Ладно. И что дальше?

– Живот у меня скрутило, – пояснила школьница, – ну я и зашла в кондитерскую. Там народу всегда полно и тубзик имеется.

Я старательно запоминала каждое слово Вали.

Девушка вошла в кабинку, закрыла дверь и услышала, как у женщины, занимавшей соседний отсек, запищал мобильный.

– Алло, говорите! – прозвучало из-за стены. – Ага, хорошо. Сейчас с ним договорюсь. Не волнуйся, пока все идет по плану, да... Вот...

Ругательство тетка произнесла привычно. Грубые слова не смутили и Валю, она сама может в соответствующей ситуации выматериться. Красноносову насторожило другое. Голос бабы показался ей знакомым. Послышался шум воды, стук дверки, потом посетительница туалета засопела, чем-то зашуршала... Валю охватило любопытство. В створке кабины, где находилась школьница, отсутствовала ручка, на ее

месте зияло небольшое отверстие. Валентина присела иглянула в «глазок».

У раковины стояла ее классная дама, Валя великолепно видела лицо Терешкиной в зеркале. Воспитательница, тихо напевая, поправляла волосы. Валя испытала приступ торжества. Так она и знала: все взрослые лицемеры! Вероника в школе и Вероника вне работы – два разных человека. Вон как она ловко матерится!

Бросив на себя довольный взгляд, Терешкина вышла в зал, ученица двинулась следом через пару минут. Красноносова ввинтилась в толпу посетителей и удивилась еще больше: классная дама выходила на улицу и была не одна – в сопровождении шикарного парня.

Валя умеет оценивать чужие вещи, поэтому сразу сообразила, что юноша одевается не в стокцентре за Московской кольцевой дорогой и что волосы ему подстригли и уложили в дорогой парикмахерской. Парочка выскользнула на улицу. Через огромное окно-витрину Красноносова увидела, что Вероника и незнакомец сели в автомобиль.

– Шикарная тачка! – восхищалась сейчас девушка. – Но наша Вероника зажигала! В школе тухлятиной ползала, а за ворота вышла и кожу сбросила. Между прочим, он ей не муж.

– Откуда такой вывод? – пробормотала я.

– Молодой слишком. А потом, видела я ее законного мужа – посыпанный перхотью старикан в мятых штанах, –

хихикнула Валя. – Он сюда один раз приезжал на убогих «Жигулях». Стою во дворе, гляжу – подкатывает, вылезает. Подошел ко мне и говорит: «Деточка, Вероника Терешкина на работе? Я ее муж». Ну я ответила честно: «Нет, ушла уже». А он в школу двинул! И зачем бы? Хотя...

Школьница замолчала и опустила глаза dolu.

– Продолжай! – нетерпеливо велела я.

– Да, ерунда...

– Начала, так договаривай!

Валя вздохнула.

– У нас уборщица есть, Ленка. Он ей предлагал в кино сниматься.

Я сначала не поняла, о ком говорит девятиклассница, но спустя мгновение попятилась.

– Василий? Обещал уборщице карьеру актрисы?

– Ага, – кивнула Валя. – Только дурочек тут нет. Понятненько, что это за съемки! В постели, под одеялом.

– А ты не врешь?

– Была охота брехать, – обиделась Валентина. – Да вы у Ленки спросите. Я увидела, как она с Вероникиным мужем треплется, и потом спросила, чего от нее дед хотел. Вот она и сказала про кино.

– Где найти уборщицу? – занервничала я.

Валя глянула на большие круглые часы, висящие на стене.

– Около входа в столовую есть кладовка, она небось там тусуется.

Забыв попрощаться с ней, я побежала в сторону буфета.

Валя оказалась права, в небольшом чуланчике, набитом швабрами и тряпками, обнаружилась тоненькая девушка, сидящая на перевернутом ведре.

– Вы Лена? – запыхавшись, поинтересовалась я. – Уборщица?

Девушка отложила книгу, которую держала на коленях. Мой взгляд невольно задержался на обложке – «Основы психоанализа». Однако необычный выбор литературы для половой мойки! И девочка слишком хороша собой, чтобы провести всю жизнь с веником и совком.

– Да, – спокойно ответила Лена. – А что случилось? Опять в раздевалке пакет сока раздавили?

– Нет, у меня другая проблема.

– Какая? – поинтересовалась уборщица.

– Вы знакомы с Василием Ярцевым?

– Первый раз слышу это имя.

– Он приставал к вам некоторое время назад.

Лена слегка изогнула правую бровь.

– Да? Зачем? Я всегда быстро реагирую на просьбы, приставать ко мне не надо. Если дети набезобразничали, сразу прибегу.

– Ярцев к вам по другому поводу подходил.

– Нет смысла, – равнодушно перебила меня Лена. – Я оператор половой тряпки, хорошие оценки поставить не в моей власти.

– Ярцев лез к вам под юбку? – откровенно спросила я.

– С какой целью? – по-прежнему невозмутимоотреагировала уборщица.

– Хотел купить билет на Париж! – рявкнула я.

– Он явно ошибся, – не моргнув глазом, сообщила девушка, – ему следовало обратиться в кассу аэровокзала.

– Лена, хватит издеваться! – взвилась я. – А то вы меня не понимаете!

– Нет, – захлопала красиво загнутыми ресницами девушка.

– Василий Ярцев делал вам непристойное предложение?

– Какое?

– Я не его жена.

– Поздравляю!

– И пришла к вам вовсе не с желанием поругаться. Просто мне надо знать, пытался ли он вас соблазнить.

– Зачем?

– Вы не понимаете, с какой целью мужики к женщинам подкатывают?

– Нет, – с плохо скрытой иронией заявила Лена. – Если только его ребенок в коридоре напачкал. В гимназии приятные родители, они всегда чаевые дают, хоть и не обязаны.

Мне стало жарко.

– Лена, вы сейчас совершили большую ошибку!

– Человеку свойственно делать ошибки, – философски отметила уборщица.

– Вам надо было прямо ответить на мой вопрос, а вы пытаетесь скрыть правду, что наводит на нехорошие подозрения.

Лена встала с ведра и взяла швабру.

– В мои обязанности входит уборка, все остальное относится к категории частной жизни, – без всякой агрессии пояснила она. – Мне надлежит – именно надлежит – мыть полы и собирать разбитую школьниками посуду. Почему вас интересуют мои отношения с мужчинами? Отчего, если вы не являетесь ни женой, ни любовницей Ярцева, привязались ко мне с расспросами? А?

– Василий умер!

– Сожалею о произошедшем.

– Он погиб в тюремной камере.

– Милиционерам необходимо строже следить за порядком, – не потеряла сверхъестественного самообладания Лена.

– Вы знакомы с Вероникой Терешкиной?

– Нет.

– Как же так? Она ваша коллега!

– Уборщиц здесь трое, и ни одну не зовут Вероникой.

– Терешкина служила в гимназии классной дамой.

– Я не общаюсь с педагогами, а последние не обращают внимания на поломоек. Вероятно, мы сталкивались в коридорах, но ни в какие отношения я с ней не вступала. – Лена подвела под разговором черту. – Прошу меня извинить,

время мыть лестницу. Если ступеньки останутся грязными, я лишусь работы. Впрочем, я потеряю ее и в случае распространения сплетен. Я не богата, а здесь хорошо платят и отпускают на сессии. Поэтому до свидания!

Глава 9

Сев в свою машину, я попыталась проанализировать свои ощущения. Сегодняшний день принес одни вопросы и никакой ясности.

Первый. Если Василий планировал убить жену, то почему он так странно вел себя? Примчался в гостиницу, принялся тыкать портье под нос фотографии... Ладно, допустим, такое поведение можно хоть как-то объяснить: Ярцев не знал, в каком номере находится его жена. Но... Задумав ее убить, поднял скандал? Лупил молотком по стойке? Кидался на дежурную? Он что, идиот? Проблему-то можно было решить очень просто: дать администратору небольшую сумму денег, и дело в шляпе. А если бы она заартачилась, тихонечко сесть в холле – рано или поздно любовники захотят выйти на улицу, тут-то их и поймать.

Второй. За каким чертом лишать прелюбодейку жизни в отеле? В гостинице полно людей: посетители, горничные, охрана. Намного спокойнее было бы подстеречь неверную супругу в темном подъезде, симитировать ограбление. Как поступают люди, задумав убить из ревности свою вторую половину? Сначала убеждаются в факте измены, наблюдают, как пара, обнявшись, выходит из отеля, а потом имитируют несчастный случай, где-нибудь через месяц или два толкнув изменницу под автобус. Но Василий вел себя так, слов-

но хотел быть задержанным: шумел, размахивал молотком, на ручке которого, оказывается, еще и фамилия его была. Хорошо, допустим, он задумал отправить Нику на тот свет и понести за это наказание. Это многое объясняет, но тогда возникает иной вопрос: почему Василий потом отрицал очевидное, зачем врал про звонок «доброжелателя»? Он же хотел оказаться арестованным! Опять нестыковка!

Еще меня смутила одежда Ники. Подруга никогда не одевалась вызывающе, а в номере нашли фиолетовые чулки, оранжевую мини-юбку и топик, не говоря уж о стрингах, украшенных стразами. Ни одна женщина, находясь в здравом уме, не нацепит на себя подобное белье, оно очень неудобное и не предусмотрено для постоянного ношения. Эпатажные трусики приобретают, чтобы снимать их в присутствии любимого человека: ждет девушка кавалера и натягивает на себя за десять минут до его прихода эротический комплект. Охотно верю, что Ника решила порадовать любовника и вырядилась в немыслимую одежду, вот только она ни за какие пряники не пошла бы в ней по улице. Я не первый год знаю Нику и понимаю: подруга, собираясь на свидание в гостиницу, взяла бы с собой сумку с необходимыми шмотками, пришла в номер, переоделась в ванной и выплыла в комнату в нужном образе.

Может, я на самом деле не знала Нику? Ведь до недавнего времени я считала ее образцовой женой, а что выяснилось... Валя Красноносова случайно увидела классную даму с мо-

лодым кавалером, потом оказалось, что Ника посещала гостиницу с сомнительной репутацией. А еще она в день смерти имела, говоря языком протокола, интимные отношения с двумя мужчинами. Прибавьте ко всему незалеченную гонорею, нераспечатанные презервативы в сумочке, губную помаду цвета взбесившейся пожарной машины... Ника практически не пользовалась косметикой, а уж намалевать губы красной помадой просто не могло ей прийти в голову! Хотя теперь я уж и не знаю, что за идеи роились у нее в голове.

Я стала барабанить пальцами по рулю. Странно все это! Василий влетел в номер внезапно. Ему открыли дверь? Или Ярцев в злобе сломал ее? Так, пока не будем думать на эту тему, намного интереснее другое. Повторю, разгневанный муж вламывается в комнату, где жена предается незаконным утехам. С кем? Номер сняли на короткое время, чтобы покурить в постели, но в милицеском протоколе нет ни слова о любовнике. Невероятно!

Представьте картину: Василий врывается в номер, накидывается на жену с молотком, а куда сбежал Казанова, который забавлялся с Терешкиной? Выходит, Ярцев орудует молотком, а парень спокойно одевается и уходит, никем не замеченный? Он не попытался защитить Нику, не кинулся останавливать Ярцева. Почему? Неизвестный мне представитель сильного пола – подлец? Или он женат – побоялся семейного скандала и поэтому трусливо улепетнул? В любом случае следует найти этого гада и задать ему пару вопросов.

Меня охватывало все более сильное беспокойство. Майя имени любовника не знает. Кто же может быть в курсе дела?

Я начала мысленно перебирать в уме общих знакомых. Нина Пугачева? С ней Ника рассорилась пару лет назад, и отношения их не возобновились. Ольга Вагантова? Маловероятно. Оля самозабвенно рождает детей, недавно произвела на свет пятого, она не стала бы покрывать неверную жену. Алена Машкова? Лариса Ковальчук? Нет, нет, обе жуткие болтушки, они не способны держать язык за зубами. Так к кому обратиться?

В боковое стекло постучали, я повернула голову и увидела парня в серо-синей форме.

– Ваши права и документы на машину, – сурово сказал он.

– Я ничего не сделала! – возмутилась я. – Стою на месте и не превышала скорость!

– Девушка, – мрачно перебил меня гаишник, – тут парковка запрещена.

– Правда? – усомнилась я.

– Охамел народ! – затянул милиционер, проглядывая бумаги. – Прямо под знаком устроилась, в двух шагах от поста.

– Простите, пожалуйста, я не видела вас, задумалась.

– Сегодня не заметили на дороге сотрудника ДПС, а завтра человека не примете, – заявил сержант.

Я опустила взгляд. Из только что услышанной фразы можно сделать вывод, что сотрудник ДПС не человек!

– Как поступим? – игриво улыбнулся владелец полосатого

жезла и принялся выразительно постукивать по ладони моими правами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.